

u

203

802

~~ИЗДА~~
3/12

БИБЛИОТЕКА
Телефон
Отдел 17-I
Б. 21.п.к.б.

U 203
V 802

ОТДЕЛЪ 72

ШКАФЪ 74

ПОЛКА 5 (12)

№ 44

10/4 87 сиб. вое. №

30

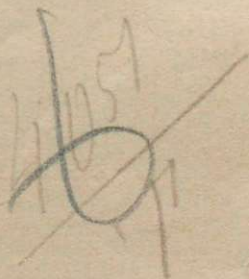
4/0271-100. 35

29/5 88 сиб. вое. №

ПОЭЗИЯ ҚАҚЪ ВОЛШЕБСТВО.

11051

Handwritten text, possibly a signature or initials, written in dark ink on aged, yellowish paper. The text is written in a cursive style and is partially obscured by a diagonal line. The word "Wasa" is clearly visible below the line.

К. БАЛЬМОНТЪ

801-83

16829-4

203
802

ПОЭЗИЯ КАКЪ ВОЛШЕБСТВО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«СКОРПИОНЪ»

МОСКВА 1915

30702-44

1914-1915.

2011147232

ПОЭЗИЯ КАКЪ ВОЛШЕБСТВО.

Зеркало въ зеркало, сопоставь двѣ зеркальности, и между ними поставь свѣчу. Двѣ глубины безъ дна, расцвѣченныя пламенемъ свѣчи, самоуглубятся, взаимно углубятъ одна другую, обогатятъ пламя свѣчи, и соединятся имъ въ одно.

Это образъ стиха.

Двѣ строки напѣвно уходятъ въ неопредѣленность и безцѣльность, другъ съ другомъ несвязанныя, но расцвѣченныя одною риемой, и глянувъ другъ въ друга, самоуглубляются, связуются, и образуютъ одно, лучисто-пѣвучее, цѣлое. Этотъ законъ триады, соединеніе двухъ черезъ третье, есть основной законъ нашей Вселенной. Глянувъ глубоко, направивши зеркало въ зеркало, мы вездѣ найдемъ поющую риому.

Міръ есть всегласная музыка. Весь міръ
есть изваянный Стихъ.

Правое и лѣвое, верхъ и низъ, высота и
глубина, Небо вверху и Море внизу, Солнце
днемъ и Луна ночью, звѣзды на небѣ и цвѣты
на лугу, громовыя тучи и громады горъ, не-
оглядность равнины и непредѣльность мысли,
грозы въ воздухѣ и бури въ душѣ, оглуши-
тельный громъ и чуть слышный ручей, жуткій
колодець и глубокій взглядъ,—весь міръ есть
соотвѣтствіе, строй, ладъ, основанный на двой-
ственности, то растекающейся на безконеч-
ность голосовъ и красокъ, то сливающейся въ
одинъ внутренній гимнъ души, въ единичность
отдѣльнаго гармоническаго созерцанія, во все-
объемлющую симфонію одного Я, принявшаго
въ себя безграничное разнообразіе праваго
и лѣваго, верха и низа, вышины и пропасти.

Наши сутки распадаются на двѣ половины,
въ нихъ день и ночь. Въ нашемъ днѣ двѣ
яркія зари, утренняя и вечерняя, мы знаемъ
въ ночи двойственность сумерекъ, сгущающихся
и разрѣжающихся, и, всегда опираясь въ своемъ
бытіи на двойственность начала, смѣшаннаго
съ концомъ, отъ зари до зари мы уходимъ
въ четкость, яркость, раздѣльность, ширь, въ

ощущеніе множественности жизни и различности отдѣльных частей мірозданія, а отъ сумерекъ до сумерекъ, по черной бархатной дорогѣ, усыпанной серебряными звѣздами, мы идемъ и входимъ въ великій храмъ безмолвія, въ глубину созерцанія, въ сознание единого хора, всеединого Лада. Въ этомъ мірѣ, играя въ день и ночь, мы сливаемъ два въ одно, мы всегда превращаемъ двойственность въ единство, сцѣпляющею своею мыслью, творческимъ ея прикосновеніемъ, нѣсколько струнъ мы соединяемъ въ одинъ звучащій инструментъ, два великіе извѣчные пути расхожденія мы сливаемъ въ одно устремленіе, какъ два отдѣльные стиха, поцѣловавшись въ риѣмѣ, соединяются въ одну неразрывную звучность.

Звуки и отзвуки, чувства и призраки ихъ,
Таинство творчества, только-что созданный стихъ.

Давно было сказано, что въ началѣ было Слово. Было сказано, что въ началѣ былъ Путь. И въ томъ и въ другомъ догматѣ намъ дана часть правды. Въ началѣ, если было начало, было Безмолвіе, изъ котораго родилось Слово по закону дополненія, соответствія, и двойственности. Изъ безгласности—голосъ,

изъ молчанія — пѣсня, изъ тишины — цѣлый взрывъ звуковъ, неизмѣримый циклонъ шумовъ, криковъ, воплей, шопотовъ, грохотовъ, лепетовъ, жужжаній струны, зорь изъ Хаоса, красныхъ цвѣтовъ изъ черной Ночи, рубиновыхъ пожаровъ творческаго Дня, звѣздъ, разбросанныхъ всемірной мятежью, безконечность вьюжныхъ дорогъ, соединившихся въ единый Млечный Путь.

Въ началѣ, когда возникло начало, единый Путь, незнавшій ни мѣры, ни времени, залюбовался на себя, и, въ единичной своей залюбованности испыталъ безмѣрность блаженства, въ силу этой безмѣрности захотѣлъ большаго, и сила жажды создала двойственность, единое стало двойнымъ, цѣльное—множественнымъ, одно стало два, а два стало три, четыре, и безконечность,—ибо двое должны быть въ мѣрѣ, чтобы возникъ поцѣлуй,—ибо онъ и она должны быть въ мѣрѣ, чтобы озвѣздилась Любовь, со множественностью всѣхъ своихъ сіяній, дробленія звуковъ, переклички ихъ и возсоединенія въ одинъ напѣвъ,—двѣ должны быть строки, чтобы между ними пѣла риѐма и должно быть ихъ не двѣ, а болѣе, — три въ троестрочіи, и четыре въ строфѣ, и восемь

въ октавѣ, и четырнадцать въ сонетѣ, и много, несосчитанно много, въ поэмѣ.

Одна гора красива и вздымается къ небу какъ бы застывшимъ костромъ, пламя котораго заострилось и замерло, — восходитъ къ небу какъ бы безглагольнымъ гимномъ, что начался широкимъ вѣщаніемъ, а кончился лезвіемъ мысли, постепенно суживающимся, равномерно заостреннымъ, призывомъ, уводящимъ въ лазурь. Одна гора красива, но когда двѣ высокія вершины, но когда двѣ вершины въ извѣстной отдаленности и въ извѣстной близости, связаны другъ съ другомъ — нѣкоторымъ соотвѣтствіемъ размѣра, нѣкоторой линейной зеркальностью, и высятся какъ-бы повторяя другъ друга, не въ однозвучной тождественности, а въ дружномъ ладѣ сродства, — въ душѣ глядящаго вырастаетъ напѣвное настроеніе, въ немъ какъ бы льнетъ строка къ строкѣ, въ немъ возникаетъ цѣлая пѣсня, гдѣ строки различны, но образуютъ одно цѣлое, какъ различныя горы, слагаясь въ цѣлое, образуютъ одну горную цѣпь.

Горное озеро огромнымъ зеркаломъ серебритъ внизу. Высокая горная вершина смотритъ въ ровныя воды. Силой тайнаго со-

отвѣтствія, два эти разныя явленія сочетаются въ одно. Исполинскій непроницаемый камень отражается въ прозрачной влагѣ. Высокая гора смотрится въ глубокую воду. А человѣческая душа, которая видитъ это, встаетъ третьимъ звеномъ, и, какъ риѣма соединяетъ двѣ строки въ одну напѣвность, душа связуетъ безгласную гору и зеркальную воду въ одну пѣвучую мысль, въ одинъ звенящій стихъ. И снѣжную гору, которая смотрится въ воды, человѣкъ назоветъ Юною Дѣвой, а это отражающее озеро онъ назоветъ Розой Пяти Вѣтровъ.

Изъ малаго жолудя продвигается зеленый ростокъ. Зеленый побѣгъ превращается въ деревцо. Деревцо вырастаетъ въ огромный дубъ. Дубъ разрастается въ рощу—широко-шумная дубрава, зеленый гай. Первичный умъ человѣка глядитъ и видитъ, полное высокой поэзи, соотвѣтствіе въ двойственности лика древесныхъ существъ. Есть напѣвная чара въ томъ, что изъ плоской земли вырвался возносящійся стволъ. Горизонтальная и вертикальная линія, своимъ пересѣченіемъ и своимъ соединеніемъ, ведутъ мысль по двумъ путямъ расхожденія, и въ то же время задерживаютъ

ее въ чарѣ созерцанія единого чуда, которое называется говорящимъ дубомъ, гдѣ вѣтка соотвѣтствуетъ вѣткѣ, и каждый узорный листъ соотвѣтствуетъ тысячѣ вырѣзныхъ листьевъ, и все это зеленое множество шуршитъ, шелеститъ, колдуетъ, внушаетъ пѣсню. Два начала соединились въ одно, изъ одного родилась множественность, множества образовали единое цѣлое, дубъ разросся въ священную рощу, и друиды соберутся въ ней, чтобы пѣть свои молитвы и напѣвнымъ голосомъ произносить заклинанія.

Голубое небо, въ чистотѣ своей, безоблачно. Единичность великой первоосновы, однообразіе лазурнаго эфира, не внушаетъ уму никакой мысли, а лишь баюкаетъ его въ полусонной мечтѣ. Но вотъ появилось малое бѣлое облачко, и въ небѣ, потерявшемъ единичность основы, началась жизнь. Облачко растетъ и становится тучкой. Тучка, мѣняясь, дѣлается грозовымъ облакомъ. Облако становится грозною тучей. Бѣлое стало сѣрымъ и чернымъ. Темное стало мѣднымъ и рдянымъ. Круглое стало длиннымъ, изогнутымъ. Малое стало безмѣрнымъ, объемляющимъ. Бѣлая птичка воздушная превратилась въ стаю черныхъ

птиць. Маленькая рыбка - серебрянка стала темнымъ китомъ. Двѣ-три сѣрыя мыши стали грохочущимъ стадомъ слоновъ и носороговъ. Въ синихъ лугахъ неба реветъ неумный быкъ, который хочетъ обнять сто небесныхъ коровъ. Красные кони бога Огня, свѣтлоокаго Агни, мчатся, сверкая копытами, и въ небѣ за ними поетъ громъ, и вьются молнии, а на землѣ внизу, въ этой священной Индіи, гдѣ самыя высокія горы, и самыя мудрыя мудрецы, льется хрустальный серебряный дождь, и торжественные брамины поютъ звучный гимнъ духамъ Грозы, стрѣлометнымъ Марутамъ.

Гляди, какъ у нихъ на плечахъ
Сверкаетъ, прильнувши, копье.
Такъ льнуть къ намъ влюбленныя жены.
И дискъ въ ихъ проворныхъ рукахъ,
И губительный мечъ!
Какъ легко они съ неба спустились,
По согласью съ самими собой.
Пробудитесь подь шорохъ свистящихъ бичей,
О, Безсмертные!
По безпыльнымъ путямъ прошумѣли Маруты могучіе,
И блестящими копьями ихъ
До основъ сотряслись всѣ мѣста!

Громъ прогремѣлъ. Слово отвѣтило. За-

клинанье пропѣто. Откликъ раздастся черезъ
тысячи лѣтъ.

Красные кони, красные кони, красные кони — кони мои.
Ярки ихъ гривы, выются извивы, пламенны взрывы,
ржутъ въ забытыи.

Ржутъ, что есть мочи, дрогнули ночи, конскія очи —
молнійный свѣтъ.

Спать водоемы, будутъ имъ громы, рухнутъ хо-
ромы вышнихъ примѣтъ.

Жаркіе кони, яркіе кони, жаркіе кони — кони мои.
Топнуть о камень — топнуть — и пламень выросъ и
взвился проворнѣй змѣи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы
красныхъ попонъ.

Въ мірѣ — вѣщанье, капель жужжанье, рѣзвое ржанье,
хохоть и стонъ.

Бѣлый — рождаясь, красный — взметаясь, весь расцвѣ-
чаясь въ пропасть дня,

Я у порога Мрака-зловрога. Знаешь ты бога? Ви-
дишь меня?

Малый ключикъ, тонкой линіей, просереб-
рился въ темной землѣ. Малый ручей, чуть
слышно журчащій, извиваясь, пробивается въ
луговой и лѣсной зелени. Влекомый незри-
мымъ магнитомъ, онъ уходитъ куда-то впередъ
по наклону, — какъ малый червякъ древоточецъ
онъ все дальше и дальше протачиваетъ себѣ
въ землѣ русло, — какъ серебряная змѣйка

мелькаетъ подъ навѣсомъ зеленыхъ вѣтвей, среди которыхъ унывится крикъ кукушки,— его журчаніе, постепенно, замолкаетъ, переходя въ зримое глазамъ полногласное безмолвіе широкой рѣки,—могучій объемъ многоводной рѣки, съ шириной верстовой и многоверстной, втекаетъ въ шумящее Море и въ гудящій Океанъ, всеобъемлющій Океанъ создаетъ полногласные приливы и отливы,—по зеленымъ и голубымъ и сѣрымъ и синимъ его пространствамъ разбросаны сады острововъ,—человѣкъ слушаетъ голосъ Моря, и слагаетъ былины и рапсодіи.

Своимъ плескомъ и шелестомъ волнъ по песку, своимъ гудомъ глухимъ, приходящимъ и уходящимъ, взрывомъ вспѣнныхъ валовъ, попавшихъ съ разбѣга въ тѣснину прибрежныхъ скалъ, всѣмъ своимъ видомъ, голубымъ, всеокружнымъ, безмѣрнымъ, Море настолько чаруетъ человѣка, что, едва заговоривъ о немъ, лишь его назвавъ, онъ уже становится поэтомъ. Развѣ въ древне-Эллинскомъ *Θάλασσα* не слышенъ весь шелестъ и шопотъ морской волны, съ пѣнистымъ малымъ свистомъ забѣжавшей на сѣрый песокъ? Развѣ въ Русскомъ—Море, въ Латинскомъ—*Маре*, въ Полине-

зійскомъ—Моана, въ перепѣтомъ разными народами словѣ—Океанъ, не слышится весь шумъ, весь протяжный огромный шумъ этихъ водныхъ громадъ, размѣрный объемъ великаго гуда, и дымы тумановъ, и великость морского безмолвія? Отъ нѣмого безмолвія до органнаго гула прилива и отлива, отъ безгласной тиши, въ себѣ затаившейся, до пѣннаго бѣга взмыленныхъ коней Посэйдона, вся полносложная гамма отгѣнковъ включена въ три эти магическія слова — Море, Моана, Океанъ.

Человѣческая мысль черпаетъ отовсюду незримое вещество очарованія, призрачную основу колдовства, чтобы пропѣть красивый стихъ,—какъ солнечная сила вездѣ выпиваетъ капли росы и пловучесть влаги,—чтобы легкая дымка чуть чуть заблѣлась надъ изумрудомъ луговъ,—чтобы бѣлое облачко скользило въ лазури,—чтобы сложнымъ дракономъ распространилась по Небу туча,—чтобы два стали одно,—чтобы разные два огня, противостоянные, соприкоснувшись въ тучѣ, прорвали ея водоемъ, и освободили ливень.

Древній Перуанецъ, создатель языка, нѣжнаго какъ журчанье струй, и нѣжнаго какъ

щебетъ птицъ, слушаетъ небо, и слушаетъ грозу, въ грозовомъ небѣ онъ видитъ Владычицу Власти, таящую въ урнѣ текучіе алмазы, и влюбленнаго въ нее брата, Владыку Огня. И только что омытый брызгами дождей, въ первозданной радости Перуанецъ поетъ.

О, Царевна,
Братъ твой нѣжный
Твою урну
Проломилъ.
Потому-то
Такъ гремитъ онъ
Въ блескъ молній
Въ высотѣ.
Ты-жь, Царевна,
Ты уходишь,
И изъ урны
Дождь струишь.
А порою
Градъ бросаешь,
Устремляешь
Бѣлый снѣгъ.
Потому-то
Зодчій Міра
Сохраняетъ
Жизнь тебѣ.
Потому-то,
Міръ творящій,
Духъ безмѣрный—
Живъ въ тебѣ.

Отъ небеснаго потока—до малой капли, отъ громовой молніи—до малой свѣчки первичнаго человѣческаго мышленія. Въ весеннее утро, когда только что промчался свѣжій ливень, и переполнилъ всѣ выставленныя его потокамъ водовмѣстилища, слухъ иногда напряженно ловить внушающій кристальный звукъ,—капля за каплей, откуда-то съ крыши, долго - долго падаетъ, съ легкимъ звономъ, въ находящійся внизу водоемъ, и звукъ этотъ, отзываясь въ мысли, ведетъ человѣческую мысль отъ одного видѣнія къ другому, отъ одного внутренняго зрѣлища все къ новому и новому расширяющемуся зрѣлищу, въ которомъ слито малое и великое, личное и міровое. Одна капля, звеня, говоритъ о Вселенной, въ одной каплѣ, переливаясь, играютъ всѣ цвѣта радуги. Такъ рождается стихъ, возникаетъ напѣвный образъ, человѣкъ видитъ себя въ Мірѣ, и весь Міръ, отображеннымъ, находитъ въ себѣ.

Человѣкъ есть капля, и человѣкъ есть Море. А въ Морѣ сколько сокровищъ! Тамъ коралловые лѣса, бѣлые, голубые, розовые, красные, желтые, синіе, и таинственныя водоросли, и узорныя медузы, на спинахъ кото-

рыхъ есть образъ креста, и разныя сплетенія точекъ и линій,—и рыбы всѣхъ формъ пробѣгаютъ въ просторахъ морской воды,—и ползаютъ тамъ грозныя существа съ клешнями. Плаваютъ ночесвѣтки, двигая, какъ малымъ весломъ, рѣзвымъ своимъ жгутикомъ, днемъ они создаютъ въ Морѣ—красноватаго цвѣта поляны, а ночью свѣтятся фосфорическимъ свѣтомъ, разгораясь сильнѣе въ качающейся волнѣ,—и живутъ въ міротворческомъ Морѣ лучистыя корненожки, являя всѣ причуды узорнаго лика, иглистые малые шары прозрачныя, живыя верши, шлемы, и фонарики, живыя корзиночки, запястья, колокольчики, тысячи малыхъ твореній, въ которыхъ все—пѣсня, каждая линія—стихъ.

Упиваясь безгласною музыкой формъ въ своей глубинѣ, Море, сверху, гудитъ волнами, и бросаетъ на берегъ рѣзныя раковины,—одни изъ нихъ человѣкъ повѣситъ себѣ на грудь какъ талисманъ, чтобы быть богатымъ и вольнымъ какъ Море, а другія, набросавъ громадами, онъ истопчетъ, и сдѣлаетъ ровныя, щебнемъ убитыя, дороги, а третьи, узорныя, свѣтлыя, малыя, нанижетъ въ ожерелье, а четвертыя, винтообразно закрученныя, по-

хожія на изогнутый рогъ, и призрачно хранящія въ себѣ угрозыи голосъ Моря, онъ приложитъ къ губамъ своимъ, къ жаднымъ губамъ своимъ, и это будетъ первая боевая труба, на ней онъ съиграетъ свою воинскую пѣсню, когда, желая освѣжиться, онъ пойдетъ убивать.

Прислушиваясь къ музыкѣ всѣхъ голосовъ Природы, первобытныи умъ качаетъ ихъ въ себѣ. Постепенно входя въ узорную многослитность, онъ слагаетъ изъ нихъ музыку внутреннюю, и внѣшне выражаетъ ее—напѣвнымъ словомъ, сказкой, волшебствомъ, заклинаніемъ.

Поэзія есть внутренняя Музыка, внѣшне выраженная размѣрною рѣчью.

Какъ вся внушающая красота морского гула заключается въ размѣрности прибоя и прилива, въ правильномъ ладѣ звуковыхъ силъ, пришедшихъ изъ безгласности внутреннихъ глубинъ, и въ смѣнѣ этой правильности свое нравными переплесками, такъ стихъ идущій за стихомъ, струи-строки, встрѣчающіяся въ переплескѣ риѣмъ, говорятъ душѣ не только прямымъ смысломъ непосредственной своей музыки, но и тайнымъ напоминаніемъ ей о

томъ, что эта звуковая смѣна прилива и отлива взята нами изъ довременныхъ ритмовъ Міро-творчества. Стихъ напоминаетъ человѣку о томъ, что онъ безсмертный сынъ Солнца и Океана.

Далеко на югѣ Земного Шара, овѣянный внушающими ропотами Моря, лежитъ сказочный островъ, который былъ названъ Terra Australis, Земля Южная. Этотъ островъ не островъ, это остатокъ невѣдомаго потопшаго материка. Причудливые оазисы Моря, избранныя мѣста необыкновенныхъ легендъ, внушенныхъ Океаномъ, Солнцемъ, и Луной, очаги такихъ богатыхъ и пѣвучихъ языковъ, что во всѣхъ сочетаніяхъ словъ здѣсь слышится текучій переплескъ и сладостно-нѣжное разлитіе свѣтлой влаги. Благоуханные эвкалипты и голубыя каучуковыя деревья, болѣе прочныя чѣмъ дубъ, наша стройная акація, имѣющая здѣсь извращенный ликъ и ползущая по землѣ уродливымъ кустомъ, тонкое кружево казуаровыхъ деревьевъ, исполинскія желтосмолки, сталактитовыя пещеры и голубыя горы, всегда таинственныя степи и пустыни, безкрылыя птицы, звѣри съ клювомъ, человѣкоподобныя кэнгуру, все необычно въ пре-

дѣлахъ Земли Южной, по всѣмъ побережьямъ которой шумитъ всеокружный Океанъ.

Первобытный человѣкъ чернаго цвѣта, живущій здѣсь, запечатлѣлъ въ напѣвныхъ своихъ сказаніяхъ ту степень проникновенія въ жизнь Природы, ту лучистую ступень Міроощущенія, когда отдѣльное человѣческое Я безъ конца тонетъ и вновь возникаетъ въ слитномъ сновидѣніи Міротворчества. Оно въ томъ всепоэмномъ бытіи, когда говорятъ птицы и травы, и каждое животное есть человѣкъ, а каждый человѣкъ есть звѣрь.

Міръ нуждается въ образованіи ликовъ, — въ Мірѣ есть чародѣи, которые магическою своею волей и напѣвнымъ словомъ расширяютъ и обогащаютъ кругъ существованія. Природа даетъ лишь зачатки бытія, создаетъ недодѣланныхъ уродцевъ, — чародѣи своимъ словомъ и магическими своими дѣйствіями совершенствуютъ Природу и даютъ жизни красивый ликъ.

Какъ началась жизнь? Черный Австраліецъ, который такъ недалеко пошелъ въ счисленіи, что считаетъ до двухъ, а о трехъ говоритъ — много, но языкъ котораго богаче своими сочетаніями любого языка Бѣлоликихъ и имѣетъ

такія формы, какихъ не достигъ языкъ гордыхъ Римлянъ, знаетъ своимъ воображеніемъ, какъ появились въ Мірѣ лики.

Въ первозданьи Мурамура
Создалъ много-много черныхъ
Малыхъ ящерицъ проворныхъ.
Змѣйно-тонкая ихъ шкура
По корѣ деревъ мерцала,
Какъ мерцаетъ въ наши дни.
Ими тѣшился не мало,
Вѣдь нарядныя они.
Размышлялъ онъ, кто же будетъ
Между ними, но надъ ними,
Кто-нибудь изъ нихъ, для нихъ,
Коли нужно, такъ разсудить,
Коль веселье, легкой будетъ
Въ пляскѣ быстрой править ими,
Межъ деревъ и травъ густыхъ.
Вотъ онъ выбралъ, вотъ намѣтилъ,
Между ящерицъ проворныхъ
Быстрымъ взоромъ быстро встрѣтилъ,
Прикоснулся ихъ лица,
Носъ мелькнулъ, глаза и брови,
Щеки, въ свѣтѣ теплой крови,
Все довелъ онъ до конца.
Поперечно чуть касался
Указательнымъ перстомъ,
Ротъ румяный засмѣялся,
Зубы бѣлые со ртомъ.

Улыбнулся, залукавилъ
И съ отвѣтною улыбкой
Этой ящерицѣ гибкой,
Мурамура стать велѣлъ.

Сама Луна не сразу стала такой, какъ должно. Въ Мірѣ все требуетъ повторнаго прикосновенія творческой воли. Упорядочилъ ея поведеніе, силою напѣвнаго заговора, кудесникъ Нурали. Преданіе говоритъ:

Луна сначала зря блуждала,
Но далъ законъ ей Нурали.
Онъ такъ пропѣлъ, чтобъ ликъ Опала
Мѣнялся вовремя вдали:—
„Умри, умри, ты въ бѣломъ, въ бѣломъ.
Сойди, зайди, ты кость, ты кость.
И снова къ намъ, ты съ бѣлымъ тѣломъ.
Приди, приди, желанный гость“.
Луна послушалась смиренно.
Какъ не послушать Нурали!
И вотъ на Небѣ, перемѣнно,
То тѣнь она, то ликъ вдали.

Не только небесное поведеніе Луны упорядочилъ кудесникъ Нурали. Силой заговорнаго слова, вліяніе котораго распространяется на все въ Мірѣ, онъ уравнилъ самую смѣну свѣта и тьмы, устранилъ безконечное убѣганіе одного начала, создалъ полное лада

убѣганіе и возвращеніе, равномерное качаніе двухъ. Когда всюду былъ безсмѣнный нестерпимый свѣтъ, это онъ создалъ первую Ночь.

Безъ отдыха въ началѣ
Ликъ Солнца сѣялъ зной,
Безъ отдыха—съ Луной,
Безъ отдыха—въ опалѣ,
Въ кораллѣ, и въ кристалѣ,
Все день, все свѣтъ и зной,—
И Черные скучали
О чернотѣ ночной.
Тогда, о нихъ подумавъ,
Цѣлитель Нурали
Разжегъ огонь въ пыли,
И въ вихрѣ красныхъ шумовъ
Запѣлъ: — „О, ты, вдали,
Чьи взгляды насъ сожгли,
Духъ сушащихъ самумовъ,
Жги жги свои дрова,
Сожги свои дрова,
Потомъ, едва-едва,
Гори, когда истлѣютъ,
Гори, пока алѣютъ,
И головней гляди,
И внизъ—и внизъ сойди“.
Съ тѣхъ поръ, черезъ оконце
Прожегши Небосводъ,
Къ чертѣ послѣдней Солнце,
И за черту, идетъ.
И медлитъ тамъ ночами,

На медленномъ огнѣ,
Въ великой глубинѣ.
И Черные очами,
Какъ яркими свѣчами,
Сверкая въ тишинѣ,
Ведуть, ведутъ ночами
Свой черный хороводъ.
И съ звѣздными лучами
Ночь черная плыветь.

Тѣмъ-же великимъ стоголосымъ Океаномъ, которымъ нашептаны эти переливныя слова, узорно изрѣзаны берега двухъ сказочныхъ, окутанныхъ тайной загадки, странъ, Мексики и Майи. И въ той и въ другой странѣ пролетаютъ многоцвѣтныя колибри, и въ той и въ другой красочныя цвѣты, красивыя замыслы, пѣвучи слова. Но если Черные жители Земли Южной являютъ ликъ человѣка вполне первобытнаго, Мексиканцы и Майи, не утративъ первичности и самобытности, достигли высокой утонченности, и печатью художественнаго совершенства отмѣчены ихъ напѣвы и заклинанія. Они любятъ музыкальность мысли и звонъ музыкальныхъ инструментовъ, а музыка—колдовство, всегда колеблющее въ нашей душѣ первозданную нашу основу, незримый ручей нашихъ пѣсенъ, водометь, что те-

четь въ себя изъ себя. Когда на высокихъ теокалли, въ роковую ночь, жрецы Витцлипохтли, бога Войны, призывали Ацтековъ Теноктитлана напасть на Испанцевъ Кортеса, они ударяли въ барабаны, сдѣланные изъ кожи исполинскихъ Змѣй, и зловѣщее гудѣніе этихъ барабановъ было такъ же угрожающе, какъ клекоть хищныхъ птицъ, живущій въ именахъ Мексиканскихъ боговъ—Цигуакоатль, Женшина-Змѣя, богъ Пѣсни и Пляски, Макуиль-Ксочитль, Царь Цвѣтовъ, Ксочипилли, Желтоликое Пламя, Куэтцальтцинъ. Богъ Тецкатлипока, который такъ любилъ сраженіе, что сразу былъ дразнителемъ двухъ разныхъ сторонъ, выстроилъ въ то же время Радугу, чтобы съ Неба на Землю къ людямъ сошла Музыка.

Вся стрѣлометная, быстрая какъ клинокъ, бранная природа древняго Мексиканца, змѣится въ магии слова, когда богъ боя поетъ про себя:—

Я Витцлипохтли, Боець,
Нѣтъ никого какъ я.
Я исторгатель сердець.
Желтоцвѣтна одежда моя,
Изъ перьевъ цвѣта Огня,
Ибо Солнце взошло чрезъ меня.

Я Вицтлипохтли, Боецъ,
Какъ колибри, пронзаю даль.
На мнѣ изумрудный вѣнецъ,
Изъ перьевъ птицы кветцаль,
Вѣнецъ травяного Огня,
Ибо Солнце взошло чрезъ меня.
Среди людей Тлакотланъ
Бросаетъ онъ перья-пожаръ,
Бросаетъ онъ зарево ранъ,
Боецъ, чей мѣтокъ ударъ.
Войну Побѣдитель людей
Несетъ межъ порханій огней.
Наши враги Амантланъ,
Собери ихъ, сбири ихъ сюда,
Увидить ихъ вражескій станъ,
Какъ близокъ къ нимъ врагъ и бѣда.
Собери ихъ скорѣе въ ихъ домъ,
Чтобъ тамъ освѣтить ихъ огнемъ.
Нѣтъ никого, какъ я,
Я, Вицтлипохтли, Боецъ.
Желтоцвѣтна одежда моя,
На мнѣ изумрудный вѣнецъ,
Цвѣтъ колибри, лѣсовъ, и Огня,
Ибо Солнце взошло чрезъ меня.

Любя войну, древній Мексиканецъ любилъ охоту. Удача на охотѣ зависитъ не только отъ мѣткости охотника, но и отъ его умѣнья пропѣть надлежащее заклинанье. Житель Южной Африки, Бушмень, знаетъ, что зача-

рованіе необходимо на охотѣ, и, чтобы легче добывать страусовъ, онъ наполнилъ стѣны своихъ пещеръ магическими картинами, изображающими этихъ быстро-убѣгающихъ птицъ. Совершенно подобнымъ образомъ, человѣкъ каменнаго вѣка, древній житель Испаніи и Южной Франціи, магически изображалъ въ пещерахъ Альтамиры и Дордоньи дикихъ быковъ, на которыхъ онъ охотился. Древній Мексиканецъ влагаетъ соотвѣтственную чару въ магическій заговоръ, и, слагая „Пѣснь Облачныхъ Змѣй“, онъ говоритъ отъ лица бога Сѣвера, бога Охоты.

Изъ Семи Пещеръ онъ возникъ,
Изъ Семи тайниковъ тѣней.
Явилъ быстроглазый свой ликъ
Въ странѣ Колючихъ Стеблей.
Изъ Семи изошелъ онъ Пещеръ,
Чей глубиненъ туманный размѣръ,
Изъ Семи изошелъ онъ Пещеръ.

Я сошелъ, я сошелъ,
У меня копье съ шипомъ.
Изъ стеблей колючихъ сплелъ
Я копье съ остріемъ.
Я сошелъ, я сошелъ.

Я сошель, я сошель,
А со мною сѣть,
Я ее искусно сплель,
Будеть кто-то въ сѣти млѣть.
Я сошель, я сошель.

Я хватаю, я схватилъ,
Я хватаю, я беру.
Изъ Семи пришелъ Могиль,
И хватаюсь за игру.
Я хватаю, я схватилъ.

Но въ напѣвностяхъ Мексиканцевъ, также какъ во всей ихъ исторіи, царить, слишкомъ исключительно, красный цвѣтъ. А о красномъ цвѣтѣ проникновенное слово сказано Майями. Древніе Майи говорили, что въ лѣсной глуши сидитъ существо, одѣтое въ красное. Оно всегда молчитъ, и если путникъ, сбившись съ дороги, спросить его, какъ выйти изъ лѣса, существо, одѣтое въ красное, начинаетъ горько плакать.

Оно плачетъ, потому что не знаетъ выхода изъ глуши лѣсовъ. Жители Юкатанскаго полуострова, Майи, создавшіе поразительной глубины Священную Книгу „Пополь-Ву“, одну изъ четырехъ или пяти наилучшихъ Космогоній Земного Шара, и построившіе изумитель-

ные храмы, Паленке, Уксмаль, Чичень-Итца, изваянія которыхъ и лѣпные гіероглифы красотою и проникновенностью соперничаютъ съ изваяніями и гіероглифами древняго Египта, понимали не только красный цвѣтъ, цвѣтъ страсти, но ихъ боги, какъ боги Египетскіе, возлюбили цвѣтъ всеобъемляющей мудрости, голубой, и внушили имъ удивительное сказаніе о возникновеніи Свѣта Жизни силою напѣвнаго заклинанія, и побѣдительное слово о Словѣ.

Сказаніе Майевъ такъ говоритъ: — „Вотъ мы расскажемъ о явленіи во вѣѣ, открытіи и возсіяніи того, что было во тьмѣ, дѣло Зари его, созданное волей Творца и Создателя, Того, который порождаетъ, Того, кто даетъ бытіе, и чьи имена суть: Метатель шаровъ по Волку прерій, Метатель шаровъ по Двухутробкѣ, Бѣлый Великій Охотникъ, Покоритель подъ ноги свои, Изумрудный Змѣй Оперенный, Сердце Озеръ, Сердце Моря, Владыка Зеленѣющихъ Пространствъ, Владыка Лазурной Поверхности. Это такъ Ихъ именуютъ, такъ о Нихъ поютъ, и такъ Ихъ прославляютъ вмѣстѣ, Тѣхъ, которые суть Праматерь и Праотець, Дважды Великая Мать, Дважды

Великій Отець. Такъ сказано о Нихъ въ сказаніяхъ Майевъ, а равно о томъ, что создали они, чтобъ дать благоденствіе и Бѣлый Свѣтъ Слова.

„Это первая Книга, написанная въ древности. Но ликъ ея скрытъ отъ того, кто видитъ и думаетъ. Дивно ея явленіе, и сказаніе въ ней сообщаемое, о времени, когда закончило образовываться все, что на Небѣ и на Землѣ, четыреугольность и четыресторонность ихъ знаковъ, мѣра ихъ угловъ, выравниеніе ихъ линий, установленіе парныхъ, дружно-идушихъ, линий на Небѣ и на Землѣ, на четырехъ предѣлностяхъ, на четырехъ главныхъ точкахъ, какъ речено было Тѣми, чья мудрость замыслила совершенство всего существующаго на Небѣ, на Землѣ, въ Озерахъ, и въ Морѣ.

„Вотъ сказанье о томъ, какъ все было спокойно и безмолвно, Было недвижно, безмятежно, и пуста была безграничность Небесъ. Вотъ первое слово и первая бесѣда. Не было еще ни одинаго человѣка, ни одинаго животнаго; ни птицъ, ни рыбъ, ни крабовъ, ни дерева, ни камня, ни трясинъ, ни овраговъ, ни травы, ни лѣсовъ: Существовало одно только Небо. Ликъ Земли еще не означался, было

только безмятежное Море и все пространство Небесъ. Ничего еще не было, что было бы тѣломъ, ничего, что цѣплялось бы за что-нибудь другое, что качалось-бы, нѣжно касалось бы, что дало бы услышать звукъ въ Небесахъ. Не существовало ничего, что стояло бы прямо: Лишь тихая Вода, спокойное Море, одно въ своихъ предѣлахъ, ибо не было ничего, что существовало бы. Были—лишь недвижимость и молчаніе въ потемкахъ, въ ночи. Одни только Они, Творецъ, Создатель, Покоритель, Изумрудный Змѣй, Тѣ, что рождаютъ, Тѣ, что даютъ бытіе, лишь Они на Водѣ, какъ свѣтъ возростающій. Они облечены въ зеленый, и въ лазурный цвѣтъ, вотъ почему ихъ имя есть Гукуматцъ, Оперенный Змѣй Изумрудно-Лазурный, бытіе величайшихъ мудрыхъ ихъ бытіе. Такъ существуетъ Небо, такъ существуетъ Сердце Неба: Таково имя Бога, Онъ такъ называется.

„Тогда-то пришло Его слово сюда, съ Покорителемъ подъ ноги Свои, и съ Лазурно-Изумруднымъ Змѣемъ, въ потемки и въ ночь, и оно заговорило съ Покорителемъ, съ Змѣемъ Перистымъ. И Они говорили: Они совѣщались тогда и размышляли. Они уразумѣли

другъ друга: Они соединили свои слова и свои совѣты.

„Тогда-то день занялся, между тѣмъ какъ Они совѣщались о сотвореніи и ростѣ лѣсовъ и лѣанъ, о природѣ жизни и человѣчества, созданныхъ въ потемкахъ и въ ночи, Тѣмъ, который есть Сердце Небесъ, чье имя—Ураганъ. Вспышка есть первый знакъ Урагана, второй есть Молнія въ изломѣ, третій—ударная Молнія, эти три суть знаменія Сердца Небесъ.

„Тогда пришли Они, съ Покорителемъ, съ Змѣемъ Изумрудно-Перистымъ. И былъ у Нихъ совѣтъ о жизни благоденственной. Какъ дѣлать посѣвъ, какъ дѣлать свѣтъ. Такъ да будетъ. Да будете вы исполнены, было слово. Да отступить эта Вода, ибо ни славы, ни чести изъ всего, что мы образовали, не будетъ, пока не будетъ жить человѣческое существо. Такъ говорили Они, между тѣмъ какъ Земля образовывалась Ими. Такъ воистину произошло созданіе того, что Земля возникла: Земля, сказали Они, и мгновенно она образовалась. Какъ туманъ или облако было ея образованіе въ ея вещественности, когда, подобныя крабамъ, явились на водѣ горы. И въ одно мгновеніе великія горы были. Лишь силой

и властію чудесной можно было сдѣлать то, что было рѣшено о горахъ и долинахъ“.

Я не знаю ни одной Космогоніи, въ которой было бы такъ красиво и глубоко рассказано о возникновеніи жизни въ Мірѣ, о томъ, какъ родился Бѣлый Свѣтъ Слова, зиждительно пропѣтаго Бѣлымъ Зодчимъ Міра.

✓ Древній Китаецъ говоритъ:— „Отзвуки слова однажды сказаннаго, дрожа, звучать черезъ все пространство Вѣчности.“

✓ Самый геніальный поэтъ девятнадцатаго вѣка, Эдгаръ По, владѣвшій какъ никто колдовствомъ слова, и странно совпадающій иногда съ вѣщими реченіями древнихъ народовъ, Египтянъ, Китайцевъ, Индусовъ, въ философской сказкѣ „Могущество Словъ“, написалъ замѣчательныя строки о творческой магіи слова. Агатось и Ойнось бесѣдуютъ. Какъ духи, они пролетаютъ между звѣздъ. „Истинная философія издавна научила насъ, что источникъ всякаго движенія—есть мысль, а источникъ всякой мысли—есть Богъ. Я говорилъ съ тобой, Ойнось, какъ съ ребенкомъ красивой Земли, и пока я говорилъ, не мелькнула-ли въ твоей головѣ какая-нибудь мысль о физическомъ могуществѣ словъ? Не является ли каж-

дое слово побужденіемъ, вліяющимъ на воздухъ?—Но почему же ты плачешь, Агатось— и почему, о, почему твои крылья слабѣютъ, когда мы паримъ надъ этой красивой звѣздой—самой зеленой, и самой страшной изъ всѣхъ, встрѣченной нами въ нашемъ полетѣ? Блестящіе цвѣты ея подобны фейному сну, но свирѣпые ея вулканы подобны страстямъ мятежнаго сердца.—Это такъ, это такъ! Они то, что ты видишь въ дѣйствительности. Эту безумную звѣзду — вотъ уже три столѣтія тому назадъ, я, стиснувъ руки, и съ глазами полными слезъ, у ногъ моей возлюбленной—сказалъ ее—нѣсколькими страстными словами—далъ ей рожденіе. Ея блестящіе цвѣты во истину суть самый завѣтный изъ всѣхъ невоплотившихся сновъ, и бѣснующіеся ея вулканы во истину суть страсти самага бурнаго и самага оскорбленнаго изъ всѣхъ сердець“.

Древніе Индусы поютъ въ священныхъ „Вѣдахъ“: „Изъ всеприносящей жертвы родились звѣри воздуха, лѣсовъ, и деревень. Изъ всеприносящей жертвы возникли пѣсни, загорѣлось размѣрное слово. Прачеловѣкъ есть огонь, раскрытый его ротъ—горящіа головни,

дыханіе—дымъ, рѣчь его—пламя, глаза—угли, слухъ—искры, въ этомъ пламени—жертва Боговъ. Первоосновная сила разогрѣла міры. Изъ разогрѣтыхъ міровъ произошло тройкое знаніе. Она разогрѣла это тройкое знаніе,—изъ него вышли магическія слова.“

Творческая магія слова и безконечность многоцвѣтныхъ его оттѣнковъ изваяна Майями въ причудливыхъ гіероглифахъ на храмовой стѣнѣ въ Паленке, гдѣ до сихъ поръ, затерянная между Табаско и Усумасинтой, какъ предѣльный оплотъ Кордильерскихъ высотъ, знающихъ полеть кондора, находятся памятные руины—Великій Храмъ Креста, Малый Храмъ Солнца, и Дворецъ Четырехъ Сторонъ. Овѣянные океанскими шопотами Майи, эти ловцы жемчуговъ, составили свои гіероглифы изъ прибрежныхъ камешковъ Моря, изъ морскихъ тростниковъ, изъ жемчужинъ, изъ спиралей извилистыхъ раковинъ, изъ раковинъ схожихъ съ звенящими трубами, изъ раковинъ круглыхъ и длинныхъ, изъ дугъ, изъ оваловъ, изъ эллипсовъ, изъ круговъ, пересѣченныхъ четыреугольникомъ и сложнымъ узоромъ, какъ мы это видимъ на спинахъ морскихъ медузъ, что первыя учили людей живописи. Майскій

Ваятель, запечатлѣвшій слово о Словѣ, говорить, чувствуя себя окруженнымъ врагами, которыхъ зоветъ птициликими, ибо они клювоносы, и когти у нихъ хватисты.

„Никогда Птичій Клювъ не овладѣетъ наукой и искусствомъ знаковъ Священныхъ Начертаній. Эти камешки тамъ, этотъ пращевой камень, эти наложенные сочетанные камни, гроздя, ожерелье знаковъ сокровенныхъ—срывъ, пропасть неосторожному. Да не разсѣетъ онъ путы, да спутаетъ смыслъ, не озаривъ ихъ сѣтъ изъясненіемъ. Да извратить пути толкованія, и эти камешки станутъ когтями: Здѣсь—ударится онъ, дальше—остуניתся. Рѣчь эта—узелъ, слово—изгибно; выводитъ сводъ; дробитъ, крошитъ горы; извивно, извилисто; оно преломленное, оно возвращается, слово; свито, скручено, сжато; четкое, рѣзвое, перистое; нераздѣльное, сплоченное, прямое, округлое; врата, что легко пройти—и упоръ каменистый пустыни; оно ускользаетъ жеманное, оно искривленье гримасы; улыбочивое, веселящее; горькое вкусомъ, сладкое; свѣже-холодное, жгучее, сожигающее; небесно-лазурное, водное, тихое, тишь, глубина; смѣлое, смѣло-красивое; мѣткострѣльность гла-

голящихъ усть, копье; оно боязливая лань, проворный олень лѣсной; куропатка полей, что бѣжить; голубка, что пьетъ и пьянится ручьями, волнистой одеждой Земли; пасть пумы, что встала, нависла, вотъ; пустыня безводная; ливень внезапный, который идетъ уменьшаясь; хрупкая чаша изъ глины, едва пережженная—падаетъ, въ крошки рассыпалась; тыква, ведро, водоемъ, колодець — жаждущему; колющій листь, листь пріютно-тѣнистый; гвоздочекъ, что держитъ, удерживаетъ; повторная бѣлость зубовъ, что созвучно дробять, растираютъ; развилистость виль, перекладина, дерево казни; забота, ларець сберегающей памяти; кладовая лелѣйнаго сердца; голова и ступня, верхъ и низъ, это слово; начинается, и то, что кончается; отъ разрушенья оно отвращается; здѣсь завершаетъ свое нисхожденіе. Эти круглые прибрежные голыши глаголющіе — тамъ, глубоко безмолвствующіе—здѣсь, въ заверше-ніи; они Бездна, Пучина, Океанъ безпредѣльный — неосторожному, будь онъ птицей крылатой.

„Берегись!“

Такое же высокое представленіе о магической силѣ напѣвнаго слова, и слова вообще,

мы видимъ въ двухъ странахъ, овѣянныхъ моремъ нашего Сѣвера, въ Норвегіи, гдѣ глубокія долины и глубокіе фьорды, и въ озерной многососенной странѣ Финновъ.

Богъ воинствъ, Одинъ, на плечахъ у котораго сидятъ вороны, усыпилъ валькирію Сигурдрифу, уколовъ ее соннымъ терномъ. Какъ женщина, эта валькирія стала прославленной по всей землѣ Брингильдъ. Замокъ ея окруженъ стѣной изъ огня. Лишь тотъ, кто прорвется черезъ пламенный оплотъ, можетъ овладѣть ею. Смѣлый Сигурдъ, испившій кровь дракона Фафнира, и понимающій языкъ орловъ, проскакалъ на конѣ чрезъ огонь, нашель спящую Брингильдъ, снялъ съ нея воинскій шлемъ, и мечомъ разрубилъ приставшую къ ней броню. Они бесѣдуютъ, и гордая валькирія, обреченная стать женщиной, говоритъ Сигурду о рунахъ и даетъ ему добрые совѣты.

Совѣтъ мой первый,
Всегда съ друзьями
Будь безупреченъ,
Мстить не спѣши.
Благоугодно
Для мертвыхъ такъ.

Совѣтъ второй мой,
Будь вѣренъ въ клятвѣ,
Разъ давши слово,
Не отступай.
Клятвопреступникъ
Гонимъ какъ волкъ.

Совѣтъ мой третій,
Въ собраньи людномъ
Съ глупцомъ бесѣду
Не заводи.
Онъ самъ не знаетъ,
Что говорить.

Совѣтъ четвертый,
Коль на дорогѣ
Колдунью встрѣтишь,
Не медли съ ней.
Не будь ей гостемъ
Хоть ночь близка.

Сыны людскіе
Должны быть зорки,
Когда на битву
Они идутъ.
Связуютъ вѣдьмы
И мечъ и умъ.

Совѣтъ мой пятый,
Коли увидишь

Невѣсть красивыхъ,
Не торопись.
Не кличь у женщинъ
Ихъ поцѣлуй.

Совѣтъ шестой мой,
Коль въ опьяненьи
Возникнуть брани,
Въ бой не вступай.
Коль воинъ — пьяный,
Онъ безъ ума.

Седьмой совѣтъ мой,
Коль въ споръ вступилъ ты
Съ бойцомъ достойнымъ,
Съ нимъ въ бой вступи.
Не будь въ пожарѣ,
Но будь въ бою.

Восьмой совѣтъ мой,
Не лги, не путай,
Уловкой — хотя
Не пробуждай.
Дѣвъ не баюкай,
Женъ не безумь.

Совѣтъ девятый,
Коль на дорогѣ
Ты встрѣтишь мертвыхъ,
Ты ихъ почти,

Ихъ обрядивши,
Похорони.

Совѣтъ десятый,
Не вѣрь обѣтамъ
Того, кто близокъ
Къ твоимъ врагамъ.
Отецъ обиженъ,
Сынъ будетъ волкъ.

Совѣтъ послѣдній,
Слѣди за другомъ,
Случиться можетъ,
И братъ предасть.
Жди быстрой смерти,
Бѣда грозить.

Не дышетъ ли все человѣческое достоинство въ этихъ немногословныхъ строкахъ, исполненныхъ желѣзной музыки мечей, взнесенныхъ въ битвѣ за правое дѣло? Здѣсь чувствуется крѣпительная свѣжесть сѣвернаго вѣтра и дыханіе Моря и горъ.

Какъ Австралійскій кудесникъ своими заклинаньями додѣлываетъ и завершаетъ недоконченныя созданія Природы, такъ Скандинавская женщина пересоздаетъ мужской духъ, силою облагораживающихъ колдованій. И вдвойнѣ убѣдительно становятся заклинаящія слова

Брингильдъ, когда она говоритъ Сигурду о
рунахъ.

Напитокъ хмѣльный
Тебѣ несу я,
О, побѣдитель,
И пѣсенъ звукъ.
Благія чары
Счастливыхъ рунъ.

Ища побѣды,
Ты рунъ побѣдныхъ
Слова напишешь
Вдоль по клинку,
И рукоятку
Украшь меча.

Постигни руны
Живого хмѣля,
На кубкѣ рога
Ихъ вырѣжь ты.
Чтобъ былъ безъ яда
Пьянящій медъ.

Постигни руны,
Въ которыхъ помощь
Для женщинъ, съ болью
Дающихъ жизнь.
Изобрази ихъ
Внутри руки.

Постигни руны,
Въ которыхъ буря,
Коль сберегаешь
Ты корабли.
Тѣ руны выжги
Ты на руль.

Постигни руны
Цѣлебныхъ вѣтокъ,
Коль хочешь раны
Ты излѣчить.
Отмѣть тѣ вѣтки,
Чей ликъ—къ Зарѣ.

Постигни руны
Суда благого,
Избѣгнешь мести,
Сбери ихъ всѣ.
И тамъ, гдѣ судять,
Ихъ мудро спрячь.

Постигни руны,
Въ которыхъ разумъ,
Коль хочешь зорко
Ты разумѣть.
Ихъ первый Одинъ
Изобразилъ.

Онъ зачерпнулъ ихъ
Въ рѣкѣ, текущей

Изъ тѣхъ истоковъ,
Гдѣ первый Міръ.
На горной выси
Онъ ихъ узналъ.

Тотъ голосъ Міра
Въ первоистокѣ,
Промолвивъ руны,
Запечатлѣлъ.
Щить бога Свѣта
Таить ихъ рядъ.

Конь Солнца ухомъ,
Другой копытомъ,
Тѣ взяли знаки,
И колесомъ.
Конь Солнца носить
Ихъ на зубахъ.

Хранятся руны
Въ медвѣжьемъ когтѣ,
У бога пѣсни
Они во рту.
На лапахъ волчьихъ,
Въ когтяхъ орла.

На крыльяхъ руны
Окровенныхъ,
Хранить ихъ—радугъ.
Взнесенный мость.

Рука таитъ ихъ,
Что лѣчить боль.

Они на златѣ,
На талисманахъ,
На гордомъ тронѣ,
На хрусталѣ.
Въ пьянящихъ зельяхъ,
Въ живомъ винѣ.

Лелѣеть Одинъ
Ихъ начертанья
Въ копѣ летящемъ,
На остріѣ.
И ноготь Норны,
И клювъ совы.

Священнымъ медомъ
Они облиты,
Во власти Духовъ,
Въ рукахъ Боговъ.
Доходятъ руны
Къ сынамъ Земли.

Постигни руны
Ума и власти,
Живого хмѣля,
И дѣлъ благихъ.
Умѣй быть вѣщимъ,
Или молчи.

Если кому-нибудь нужна заклинательная сила слова, это именно человѣку суроваго Сѣвера, гдѣ по существу своему Природа такъ часто ему враждебна своими морозами и болотами, необъятными силами Моря и преполной непроходимыхъ лѣсовъ. Но дикіе звѣри учатъ человѣка необходимой мудрости въ борьбѣ за бытіе. Волкъ зря не нападаетъ на волка, если же вздумаетъ напасть,—онъ встрѣтитъ другого волка не врасплохъ, а готовымъ къ бою. И орелъ, хоть могучій и когтистый, какъ ни одна изъ воздушныхъ птицъ, не залетаетъ въ чужое орлиное гнѣздо съ разбойничьими цѣлями, разъ у него есть свое. Эта первобытная, звѣриная, но и божеская, необходимость цѣпко держаться за свое—глубоко выражена въ рунахъ и совѣтахъ Брингильдъ. Хочешь быть сильнымъ,—будь твердымъ и мѣткимъ какъ сталь. Твердымъ, но и гибкимъ. Въ заклинательномъ словѣ валькирія учитъ быть соразмѣрнымъ, зорко взвѣшивающимъ достоинство поведенія человѣка въ Мірѣ. Черезъ заговорное слово научаетъ она душу владѣть Міромъ, но, научивши быть сильнымъ, первый совѣтъ даетъ она сильному не злоупотреблять силой, ибо въ этомъ высшая сила

и есть,—и велить, протягивая руку, протягивать руку врачующую, или направляющую вѣрный ударъ, тамъ гдѣ этотъ ударъ долженъ возникнуть. Пѣвучая и страшная сила—эта мудрость валькириі—когти медвѣдя и когти волка, орлиныя крылья и клювъ совы, и руны начертаны на ногтѣ Норны, въ чьихъ пальцахъ прядется нить Бытія. Но ихъ также мчитъ на своихъ копытахъ огненный Конь Солнца, а Солнце мчитъ насъ всѣхъ въ сонмѣ звѣздъ. Вѣщимъ, высокимъ, стремительнымъ, звѣзднымъ учить насъ быть въ заклинательномъ словѣ длинноволосая дочь Норвегіи, женщина-Валькирія, Брингильдъ.

Если руны достойно воспѣты въ Скандинавской „Эддѣ“, власть заклинанія еще болѣе заполоняетъ поэму Финновъ, „Калевалу“. Здѣсь мысль сначала до конца не выходитъ изъ чаръ заговора, какъ никогда не разстанется намъ на Сѣверѣ со снѣгами и туманами, и лишь на отдѣльныя мгновенья прозрѣнія Солнце разрываетъ самый густой туманъ, буря разметываетъ самыя темныя тучи,—заговорное слово побѣждаетъ самое грозное зло и вызываетъ къ жизни самыя желанныя сочетанія творческой мечты.

Въ „Калевалѣ“ все время колдуетъ Вэйнемэйненъ. Вэйно по Финнски значитъ страстное желанье. Изъ настоящаго хочутъ родится весь Міръ, создаются звѣзды и Моря, цвѣты и вулканы. Рождаются Пѣсня, возникаетъ Музыка, отъ одного сердца тянутся лучи къ миллиону сердець, единый человѣческій духъ, заклинаяющій напѣвнымъ словомъ, становится какъ бы основнымъ свѣтиломъ цѣлаго сплетенія звѣздъ и планетъ.

Силой слова, Дочь Воздуха, мать Вэйнемэйнена, воздвигаетъ мысы, вырываетъ рыбамямы, возноситъ утесы, ваяетъ страны, строить столбы вѣтровъ, обогащаетъ бездны Моря, и между Небомъ и Моремъ, въ циклахъ вѣковъ, даетъ жизнь человѣку, и велитъ ему быть пѣвцомъ и заклинателемъ. Пески и камни Вэйнемэйненъ превращаетъ въ древесное царство. Знающимъ словомъ зачаровавъ Природу, онъ разсыпалъ по землѣ сѣмена. Все, что мы любимъ, посѣялъ онъ: Сосны и ели, иву и березы, верескъ и черемуху, можжевельникъ и красную рябину. Спрятавъ въ куньемъ и бѣличьемъ мѣхѣ шесть-семь зернышекъ, онъ засѣялъ ячмень и овесъ. Тамъ, гдѣ нужно, вырубилъ деревья, но пощадилъ березу, что-

бы было гдѣ куковать кукушкѣ. Благой, онъ умѣетъ однако быть грознымъ, и когда заносчивый Юкагайнень, неподросшій пѣвецъ заклинаній, вызываетъ его на состязаніе, Вэйнемэйнень запѣлъ заговоръ, на дугѣ у Юкагайна выросли вѣтки, на хомутъ его лошади навалилась ива, кнутъ превратился въ осоку, мечъ сталъ молніей, раскрашенный лукъ всталъ радугой, рукавицы стали цвѣтами, а самъ Юкагайнень потонулъ до рта въ зыбучихъ пескахъ, въ трясинѣ, и потонулъ бы вовсе, еслибы Вэйнемэйнень не пропѣлъ заговоръ обратнаго дѣйствія и не расчаровалъ свою чару.

Изъ костей шуки, которая плаваетъ въ Морѣ и знаетъ морскія тайны, сдѣлалъ Вэйнемэйнень свои пѣвучія гусли, кантелэ, и подъ эту музыку поетъ заклинательныя пѣсни. Струны онъ сдѣлалъ изъ волосъ стихійнаго духа Хіиси, который живетъ въ глубокой пропасти на раскаленныхъ угляхъ, но также онъ и водный царь, и горный духъ, и лѣсовикъ, и быстрый конь.

„Вотъ играетъ Вэйнемэйнень —
Не осталось звѣря въ лѣсѣ,
Изо всѣхъ четвероногихъ,
Звѣря съ длинными ногами,

Чтобъ не шель туда послушать,
И ликуя, подивиться.
Бѣлка весело цѣплялась,
Съ вѣтки прыгала на вѣтку,
Подбѣжали горностаи
Возлѣ изгороди сѣли,
Лось запрыгалъ на полянѣ,
Ликовали даже рыси.
И сама хозяйка лѣса,
Эта мудрая старуха,
Вышла въ синенькихъ чулочкахъ,
Подвязавъ ихъ краснымъ бантомъ.
Съ высоты орель спустился,
Изъ-за тучъ спустился ястребъ,
Изъ потоковъ вышли утки,
Вышли лебеди изъ топей.“

(Переводъ Л. Бѣльскаго).

Дѣва Мѣсяца и дочь Солнца, которыя прямили золотую ткань и серебряную, услышавъ кантелэ, забыли прясть, и оборвалась золотая и серебряная нить Неба при звукахъ земного инструмента, игравшаго заклинательную пѣсню. Позднѣе Море поглотило это кантелэ, Вэйнемэйненъ сдѣлалъ другое, изъ дерева березы и тонкихъ волосъ дѣвушки. Въ этомъ сляніи природнаго и человѣческаго, стихійнаго и человѣчнаго, заключается звуковая тайна Поэзіи какъ Волшебства, въ которомъ вопли

вѣтра, звѣриные клики, пѣнье птицъ, и шелесты листьевъ говорятъ черезъ человѣческія слова, придавая имъ двойное выраженіе, и поселяясь въ заклинательныхъ слогахъ и буквахъ, какъ домовые и лѣшіе живутъ въ нашихъ лѣсахъ и домахъ.

Если вся Міровая жизнь есть непостижное чудо, возникшее силою творческаго слова изъ небытія, наше человѣческое слово, которымъ мы мѣряемъ Вселенную и царимъ надъ стихіями, есть самое волшебное чудо изъ всего, что есть цѣннаго въ нашей человѣческой жизни. Намъ трудно припомнить, несовершенною нашей памятью, какъ оно вырвалось впервые изъ человѣческаго нашего горла, но поистинѣ великая должна была это быть радость, или великая боль, или такая минута, гдѣ блаженство неразличимо перемѣшалось съ болью, и нѣмота должна была разверзнуться, и мы должны были заговорить. А такъ какъ въ Чудѣ волшебны всѣ части его составляющія, все то, что дѣлаеть его именно чудомъ, несомнѣнно, что каждая буква нашего алфавита, каждый звукъ человѣческой нашей рѣчи, будь она Русская или Эллинская, Китайская или Перуанская, есть малый колдующій эльфъ и

тномъ, каждая буква есть волшебство, имѣющее свою отдѣльную чару, и мы это выражаемъ въ отдѣльныхъ словахъ, и мы это чувствуемъ въ особыхъ ихъ сочетаніяхъ, намъ только легче чувствовать, ощущать дѣйствительность словеснаго чуда, нежели точно опредѣлить и провѣрить разумомъ, въ чемъ именно состоитъ наше буквенное и словесное угаданіе, а черезъ сплетеніе слоговъ и словъ, угаданіе душевное, когда понимающее наше сердце вдругъ заставитъ насъ пропѣть вѣщую пѣсню, которая пронесется какъ вѣтеръ по цѣлой странѣ. Или сказать одно слово, которое будетъ такъ вѣрно, что перекинется отъ народа къ народу, и перебросится изъ вѣка въ вѣкъ.

Древній Египтянинъ говорилъ, что заклинанія нужно произносить вѣрнымъ голосомъ, только тогда и Духи и Боги подчинятся человѣческой волѣ. Египетское выраженіе Ма-Х р о у значитъ Голосомъ Творящій, Словомъ Воплощающій, Вѣрнымъ Голосомъ Волю Свою Совершающій. Древнѣйшій памятникъ человѣческаго слова—стѣнная надпись Великой Пирамиды Сахары, въ погребальномъ покоѣ фараона, чье имя Унасъ. Размѣрною рѣчью

Египетскій царь повелѣваетъ Богамъ, онъ властенъ надъ жизнью и смертью, онъ говоритъ самому себѣ:—„О, Унасъ, ты существуешь, живешь, ты еси. Твой скипетръ въ рукѣ твоей. Ты даешь повелѣнія — тѣмъ, чьи сокрыты жилища. Ты омываешься свѣжей водою, влагою звѣздъ. Путиами желѣзными сходишь ты внизъ. Геніи свѣта встрѣчаютъ тебя восклицая...“

Гераклитъ сказалъ, что слова суть тѣни вещей, звуковые ихъ образы. Демокритъ противоборствуетъ, говоря, что слова суть живыя изваянія. Въ сущности тутъ даже нѣтъ противоборства. Безмолвный прудъ ваяетъ иву, отражая ея тѣнь въ своей водѣ. И ребенокъ или дикарь, безъ долгихъ размышленій, лишь проникнутый силой видѣнія, даетъ въ изсѣченномъ изъ дерева или камня идолѣ болѣе вѣрную тѣнь вещей, чѣмъ онъ самъ это можетъ подозрѣвать. Каждое слово — есть тѣнь первомысли, одна изъ граней мысли, ибо ощущение и мысль человѣка всегда многогранны,—и каждое слово есть говорящая статуя Египетскаго храма, только нужно понять эту статую и умѣть поколдовать надъ ней, чтобъ она перестала быть безмолвной. Дабы звуко-

вое изваяніе, которое называется Словомъ, явило сокровенный свой голосъ и заговорило съ нами волшебю, нужно, чтобы въ насъ самихъ была первичная заревая сила чарованія. Исполинъ Египта, каменный Мемнонъ, обычно былъ безмолвнымъ, но, когда его касалось восходящее Солнце, онъ пѣлъ.

Фетъ сказалъ:--

„Лишь у тебя, Поэтъ, крылатый слова звукъ
Хватаетъ налету и закрѣпляетъ вдругъ“.

Первичный человекъ всегда Поэтъ, и Поэтъ тотъ богъ его, который создаетъ для него Вселенную. Египетскій богъ Ночного Солнца, Атумъ, пропѣлъ боговъ, они вышли изъ его рта. Египетскій богъ возрожденія, Озирисъ, блуждая среди полувѣриныхъ человѣческихъ существъ, силой напѣвнаго внушающаго слова научилъ ихъ быть людьми воистину, любящими животворящій хмѣль и питающее зерно. Силой напѣвныхъ магическихъ заклинаній дневное Свѣтило побѣждаетъ всѣ ужасы Ночи, возрождая безконечность яркаго дня,—и умершій человекъ властью заговорнаго слова проходитъ всѣ чистилища, чтобы жить возрожденнымъ среди безпечальныхъ полей.

Слово есть чудо, а въ чудѣ волшебна все, что его составляетъ. Если мы будемъ пристально вглядываться слухомъ понимающимъ въ каждый отдѣльный звукъ нашей родной рѣчи, человѣческой рѣчи вообще, рѣчи звѣриныхъ голосовъ, рѣчи существующей въ пѣньи и крикахъ птицъ, рѣчи шелестящихъ деревьевъ, и тѣхъ природныхъ сущностей, которыя принято считать неодушевленными, какъ ручей, рѣка, вѣтеръ, буря, громъ,—мы увидимъ, что есть отдѣльные звуки, отдѣльныя поющія буквы, которые имѣютъ такой объемлющей нравъ, что повторяются не только въ рѣчи говорящаго человѣка, но и въ голосахъ Природы, отгѣняя такимъ образомъ нашу человѣческую рѣчь, переброшенной въ нее изъ Природы, звуковою чарой. Прежде чѣмъ говорить объ этой усложненной звуковой чарѣ, подойдемъ вплотъ къ отдѣльнымъ звукамъ нашей рѣчи. Вслушиваясь долго и пристально въ разные звуки, всматриваясь любовно въ отдѣльныя буквы, я не могу не подходить къ извѣстнымъ угаданіямъ, я строю изъ звуковъ, слоговъ, и словъ родной своей рѣчи завѣтную часовню, гдѣ все исполнено углубленнаго смысла и проникновенія. Я знаю, что,

строю такую часовню, я исхожу изъ Русскаго словеснаго начала, и слѣдовательно мои угаданія по необходимости частичны,—подобно тому какъ не идетъ въ Христіанскій Храмъ тотъ, кто строить Индійскія Пагоды,—и громады Карнака или Теокалли Мехико неравноцѣнны Мечети,—но есть однако кристаллы мгновенія, гдѣ сходятся души всѣхъ народовъ, и есть обряды, есть напѣвности, есть движенія, тѣлодвиженія души, которыя повторяются во всѣхъ Храмахъ всего Земного Шара.

Я беру свою дѣтскую азбуку, малый букварь, что былъ первымъ вожатымъ, который ввелъ меня еще ребенкомъ въ безконечные лабиринты человѣческой мысли. Я съ смиренной любовью смотрю на всѣ буквы, и каждая смотритъ на меня привѣтливо, обѣщаясь говорить со мной отдѣльно. Но, прежде чѣмъ услышать ихъ отдѣльные голоса, я самъ стараюсь опредѣлить ихъ въ общемъ ихъ ликѣ. Эти буквы называются—гласныя и согласныя. Легче произносить гласныя, согласными овладѣешь лишь съ борьбой.

Гласныя это женщины, согласныя это мужчины. Гласныя это самый нашъ голосъ, ма-

тери насъ родившія, сестры насъ цѣловавшія, первоистокъ, откуда, какъ капли и взрывныя струи, мы истекли въ словесномъ своемъ ликѣ. Но если бы въ рѣчи нашей были только гласныя, мы не умѣли бы говорить,—гласными лишь голосили бы въ текучей безформенной влажности, какъ плещущія воды разлива.

А согласные, мужскою своею твердою силой, упорядочили, согласовали разлившееся изобиліе, встали дамбой, плотиной, длиннымъ моломъ, отрѣзающимъ полосу Моря, четкимъ прошли русломъ, направляющимъ воды къ сознательной работѣ. Все же, хоть властительны согласные, и распоряжаются они, считая себя настоящими хозяевами слова, не на согласной, а на гласной бываетъ удареніе въ каждомъ словѣ. Тутъ не поможетъ даже большее и наибольшее количество самыхъ выразительныхъ согласныхъ. Скажите Русалка. Здѣсь семь звуковъ. Согласныхъ больше. Но я слышу только одно вкрадчивое А. Много ли звуковъ, болѣе выразительно-слышныхъ чѣмъ Щ или Ц, и такихъ препоной встающихъ какъ П. Но скажите слово Плакальщица. Я опять лишь слышу рыдающее А.

Вотъ, едва я началъ говорить о буквахъ,—

съ чисто женской вкрадчивостью мной овладѣли гласныя. Каждая буква хочетъ говорить отдѣльно.

Первая—А. Азбука наша начинается съ А. А самый ясный, легко ускользящій, самый гласный звукъ, безъ всякой преграды исходящій изъ рта. Раскройте ротъ, и, мысленно провѣривъ себя, попробуйте произнести любую гласную, для каждой нужно сдѣлать малое усилие, лишь эта лада, А, вылетаетъ сама. Недаромъ Индусы приказывали, желая благозвучія, давать женщинамъ такія имена, гдѣ часто встрѣчается А, — Анасуйя, Сакунтала. А—первый звукъ произносимый ребенкомъ,— послѣдній звукъ, произносимый человѣкомъ, что подъ вліяніемъ паралича мало-по-малу теряетъ даръ рѣчи. А—первый основной звукъ раскрытаго человѣческаго рта, какъ М — закрытаго. М—мучительный звукъ глухонѣмого, стонъ сдержанной, скомканной муки, А — вопль крайняго терзанія истязаемаго. Два первоначала въ одномъ словѣ, повторяющемся чуть не у всѣхъ народовъ — Мама. Два первоначала въ Латинскомъ Ато — Любяю. Восторженное дѣтское восклицающее А, и въ глубь безмолвія идущее нѣмѣющее М. Мягкое

М, влажное А, смутное М, прозрачное А. Медовое М, и А какъ пчела. Въ М — мертвый шумъ зимъ, въ А властная весна. М сожметъ и тьмой и дномъ, А взбивающійся валъ. Ласковый садъ наслажденія страстью, пугающій страшный мракъ наказанія, отъ Рая до Ада, ихъ два въ нашей сагѣ Бытія, А — начала, А — конца. А — властно: — Азь есмь, самоутверждающійся шагъ говорящаго Адама. Въ Музыкѣ А, или Ля, предпоследній изъ семи звуковъ гаммы, это какъ бы звуковой предзавершающій оглядь, предъ тѣмъ какъ просвирѣлить заключительный кличъ, пронзительное Си. Въ тайной алгебрѣ страстныхъ внушающихъ словъ, А, какъ вѣянье Мая, поетъ и вѣщаетъ: — „Ласки мнѣ дай, цѣловать тебя дай, ясный мой соколь, малая ласточка, красное Солнце, моя, ты моя, желанный, желанная“. Какъ камень, А не алый рубинъ, а въ лунной чарѣ опаль, иногда, — чаще же, днемъ играющій алмазь, вся гамма красокъ. Какъ гласить угаданье народное, Алмазь — ангельская слеза. Слава полногласному А, это наша Славянская буква.

Другая основная наша гласная есть О. О это горло. О это ротъ. О — звукъ восторга.

Торжествующее пространство есть О: — По ле, М о р е, П р о с т о р ь. Почему говоримъ мы О р г і я? Потому что въ Оргіи много воплей восторга. Но все огромное опредѣляется черезъ О, хотя бы и темное:— С т о н ь, г о р е, г р о б ь, п о х о р о н ы, с о н ь, п о л н о ч ь. Большое какъ доли и горы, островъ, озеро, облако. Долгое, какъ скорбная доля. Огромное какъ Солнце, какъ Море. Грозное, какъ осыпь, оползень, громъ. Строгое, какъ угроза, какъ приговоръ, брошенный Рокомъ. Вмѣстѣ съ грубымъ У по р о ч и т ь въ словѣ У р о д ь. Ловко и злобно куснеть острымъ дротикомъ. Запоеть, запоеть какъ колоколъ. Вздохомъ шепнеть какъ осока. Глубокимъ раскроется рвомъ. Возъ за возомъ громоздкимъ, точно слонъ за слономъ, полнымъ объемомъ сонно стонеть обозъ. Въ многоствольномъ хорѣ лѣсномъ многолиственномъ, или въ хвойномъ борѣ, вольно, какъ волны въ своемъ переплескѣ, повторнымъ намекомъ и ощунью бродить. Знойное лоно земное, и холодъ морозныхъ горъ, водоворотное дно, омутъ и жерновъ упорный, огонь плоти и хоти. Зоркое око ворога волка,— и око слѣпое бездомной полночи. Извои суровые воли. Высокій сводъ взнесеннаго собора. Бездонное О.

У — музыка шумовъ, и У — вскрикъ ужаса. Звукъ грузный, какъ туча и гудъ мѣдныхъ трубъ. Часто У — грубое, по веществу своему: Стукъ, бунтъ, тупо, круто, рупоръ. Въ глухомъ лѣсу плутаетъ—Ау. Слухъ ловить уханье филина. Упругое У, многострунное. Гулъ на морскомъ берегу. Угрюмая дума смутныхъ мѣдноокруглыхъ лунъ. Въ текучемъ мѣрѣ гласныхъ, гдѣ нужна скрѣпа, У вдругъ встаетъ, какъ упоръ, какъ уголь, упреждающій разлитіе бури.

Какъ противоположность грузному У, И — тонкая линія. Пронзительная вытянутая длинная былинка. Крикъ, свистъ, визгъ. Птица, чей вскрикъ весной, послѣ ливня, особливо слышенъ среди птичьихъ вскриковъ, зовется Иволга. И — звуковой ликъ изумленія, испуга:— Тигръ, Китъ. Наивно искреннее: — Ишь ты какой. Острое, быстрое:—Иглы, чиркъ. Листья, вихримые вѣтромъ, иногда своимъ шелестомъ внушаютъ имя дерева: Липа, Ива. И — вилы, пронзающій винтъ. Когда быстро крутится вода, про эту взвихренную пучину говорятъ: Виръ. Крикъ, Французское *Cri*, Испанское *Grito*, въ самомъ словѣ кричить беспокоить, томить, — какъ цѣлыя игрища во-

инствъ живутъ въ выразительномъ сильномъ и слитномъ кликѣ побѣдительныхъ полчищъ:— Латинское Vivat.

Е — самая невѣрная трудно опредѣлимая гласная. Не даромъ мы различаемъ—Е, Ъ, Э. Этого еще мало—у насъ есть Ё. Безумцы борются съ Ъ и Э. Но желаніе обѣднить нашъ алфавитъ есть напрасное желаніе просыпать изъ полной пригоршни, медлящія на ней, золотыя блески песчинокъ. Тщетно. Песчинки пристають. Скажите — Мелкій, скажите — Лѣсъ. Вы увидите тотчасъ, что первое слово вы произносите быстро, второе медленно. Е и Ъ вполне умѣстны какъ обозначеніе легкаго и увѣсистаго, краткаго и долгаго. Тройная, четверная эта буква есть какая-то недоумѣнная, прерывистая, полная плеска и переплеска, звуковая вѣсть. То это — свѣтлое благовѣстіе, какъ въ вѣющихъ словахъ—Вешняя верба, то задержанное зловѣстіе, какъ въ словахъ—Сѣрый, Мѣра, Тѣнь, то это отзвукъ пѣнія въ вогнутости свода, какъ въ словѣ—Эхо. И если Е есть смягченное О, въ половину перегнувшееся, то какимъ-же страннымъ ёжикомъ, быстрымъ ёршикомъ, вдругъ мелькнетъ, въ четвертую до-

лю существующее, смягченное Е, которое есть Ё.

Я, Ю, Ё, И, суть заостренные, истонченные А, У, О, Ы. Я — явное, ясное, яркое. Я это Ярь. Ю — вьющееся какъ плющъ, и льющееся въ струю. Ё — таящій легкій мѣдь, цвѣтикъ — лёнь. И — извивъ рытвины Ы, рытвины непроходимой, ибо и выговорить Ы невозможно, безъ твердой помощи согласнаго звука. Смягченные звуковѣсти Я, Ю, Ё, И, всегда имѣютъ ликъ извившагося змѣя, или изломной линіи струи, или яркой ящерицы, или это ребѣнокъ, котѣнокъ, соколѣнокъ, или это юркая рыбка вьюнь.

Какъ въ мѣрѣ живыхъ существъ, населяющихъ Землю, есть не только существа женскія и мужскія, но и неуловимо двойственныя существа андрогинныя, перемѣнчиво въ себѣ качающія оба начала, такъ и между гласными и согласными зыбится нѣсколько неуловимыхъ звуковъ, которые въ сущности не суть ни гласные, ни согласные, но взяли свою чару и изъ согласныхъ и изъ гласныхъ. Самое причудливое звуковое существо есть звукъ В. Въ Русскомъ языкѣ, также какъ въ Англійскомъ, В легко переходитъ въ мягкое У. Въ

нарѣчіяхъ Мексиканскихъ В перемѣшивается съ легкимъ Г. И вотъ два такіе разные звука, какъ В и Г, не даромъ стоятъ въ нашей азбукѣ рядомъ, и не случайно мы говоримъ— Голосъ, а Латинянинъ скажетъ—Vox. Голосъ Вѣтра слышенъ здѣсь.

Лепетъ волны слышенъ въ Л, что-то влажное, влюбленное,—Люттикъ, Ліана, Лилея. Переливное слово Люблю. Отдѣлившійся отъ волны волосъ своевольный локонъ. Благовольный ликъ въ лучахъ лампы. Свѣтлоглазая льнущая ласка, взглядъ просвѣтленный, шелестъ листьевъ, наклоненье надъ люлькой.

Прослушайте внимательно, какъ говорить съ нами Влага.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣтъ прохлада.
„Милый! Мой милый!“ Свѣтло,
Сладко отъ бѣлаго взгляда.
Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ Луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.
Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“—
Полночь глядитъ съ небосклона.

Л—ласковый звукъ не только въ нашей Славянской рѣчи. Посмотрите, какъ совпадаютъ съ нами Перуанцы, далекіе Перуанцы, отдѣленные отъ насъ громадами Океановъ и принадлежащіе къ совершенно другой группѣ народовъ. Люлю по Перуански Любимка, Люлюй—Лелѣять, Льянляйя—Вновь зеленѣть, Льохляя—Ливень, Льюльйя—Улещать, Льюскай—Скользить, Льюлюю—Ласковый. Я беру другую страну, затерянную въ Моряхъ: Самоа. Ни съ нами Самоанцы не связаны, ни съ Перуанцами, и однако, чтобы сказать Солнце, они говорятъ Ла, Небо у нихъ Ланги, Пѣть—Лянги, Голось—О-ле-лео, Мелководье—Ваиллялѣа, Листъ Пальмы—Ляоаи, Зеленѣть—Леляу, Молвить—Ляляу, Красивый—Лелеи. Ласковое требуетъ Л.

Въ самой природѣ Л имѣетъ опредѣленный смыслъ, также какъ параллельное, рядомъ стоящее, Р. Рядомъ стоящее — и противоположное. Два брата, но одинъ свѣтлый, другой черный. Р — скорое, узорное, угрожающее, спорное, взрывное. Разорванность горъ. Въ розѣ — румяное, въ громѣ — рокошующее, пророческое — въ рунахъ, распростертое — въ равнинѣ

и въ радугѣ. Рокотаніе разума, рекущій ротъ, дробь барабана, срывы вѣтра, ревъ бури, взрывъ урагана, рокоты струнь, красные, рыжіе вихри пожаровъ разразившихся грозъ, прорывавшихъ громомъ. Р—взоры горъ, гдѣ хранится руда—разныхъ самородковъ. Не одно тамъ Солнце въ зернахъ. Не однѣ игры украшающаго серебра,—тутъ ворчанье иныхъ металловъ, въ ихъ скрытости.

Кровью тронутая мѣдь,
Топорами ей гремятъ,
Чтобъ размашисто убить,
И желѣзу уступить.
Подъ желѣзомъ—О, руда!—
Кровь струится какъ вода,
И въ стальной замкнутъ уборъ
Горный черный разговоръ.

Р—одинъ изъ тѣхъ вѣщихъ звуковъ, что участвуютъ означительно и въ языкѣ самыхъ разныхъ народовъ, и въ рокотахъ всей природы. Какъ З, С, и Ш слышны —и въ человѣческой рѣчи, и въ шипѣніи змѣи, и въ шелестѣ листьевъ, и въ свистѣ вѣтровъ, такъ Р участвуетъ и въ рѣчи нашего рта и горла, и въ ворчаньи тигра, и въ воркованіи горлицы, и въ карканьи ворона, и въ ропотѣ

вѣдь, текущихъ громадами, и въ рокотаніяхъ грома. Не напрасно мы, Русскіе, сказали, Громъ, и не даромъ Германцы его назвали *Donner*, Англичане—*Thunder*, Французы—*Tonnerre*, Скандинавы назвали бога Громовника *Торъ*, Древніе Славяне—*Перунъ*, Литовцы—*Перкунасъ*, а Халдеи—*Рамманъ*. Не напрасно также нашу рѣчь мы опредѣляемъ глаголомъ *Говорить*, что звучитъ по Нѣмецки—*Sprechen*, по Итальянски—*Parlare*, по Санскритски—*Бру*, по Перуански—*Римай*.

Я говорилъ, что нѣкоторые звуки особенно дороги нашему чувству, нашему безсознательному, мудро понимающему, чувству, ибо они основные, первородные, такъ что даже внѣшнее ихъ начертаніе странно волнуетъ насъ, мы имъ залюбовываемся. Въ старинномъ численіи, *A—1*; *A*, обведенное тонкимъ кругомъ, означаетъ *Тьму* или 10.000; *A*, обведенное болѣе плотнымъ кругомъ, означаетъ *Легионъ* или 100.000. *A*, обведенное причудливымъ кругомъ, состоящимъ изъ крючьевъ, означаетъ *Леодоръ* или *Тысячу Тысячъ*, 1.000.000. Поистинѣ много отѣнковъ въ красивой буквѣ *A*, и тысяча тысячъ это вовсе

не такое ужъ несчислимое богатство, ибо
человѣческая рѣчь есть непрерывно текущій
Океанъ, а сосчитано, что въ одномъ Араб-
скомъ языкѣ—80 словъ для обозначенія Меда,
200—для Змѣи, 1.000—для Меча, и 4.000
для Несчастія.

А—первый звукъ нашего открытаго рта,
у закрытаго-же рта первый звукъ—М, вто-
рой—Н. И вотъ мы видимъ, что во всѣхъ
древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ религіяхъ звуки
А и Н выступаютъ какъ яркое знамя. Свя-
щенный городъ Солнца въ Египтѣ, любимый
богами Солнцеградъ, есть А н у. Халдейскій
богъ Неба есть А н н а. Халдейская богиня
Любви зовется Н а н а. По Санскритски ✓
А н н а значитъ Пища. Индусскій духъ ра-
дости—А н а н д а н а т х а. Индусскій міровой
змѣй—А н а н т а. Сестра Мірового Кузнеца
Ильмаринэна зовется въ „Калевалѣ“ А н н и к и.
Жена Скандинавскаго Солнечнаго бога Баль-
дэра зовется Н а н н а. Это все не заимствова-
нiя, и не случайныя совпаденія. Это проявле-
нiе закона, дѣйствующаго неукоснительно,—
только дѣйствiя закона мало нами изучены.
Участвуя въ самомъ высококомъ,—въ первич-
комъ взрывѣ человѣческаго, восхотѣвшаго рѣ-

чи,—А участвуетъ и въ самомъ смиренномъ, что есть—звѣриный крикъ. А есть въ лаѣ собаки, А есть въ ржаніи лошади. Такъ и таинственное В. Я не тѣло, а духъ. А духъ есть Вѣтеръ. А Вѣтеръ есть В. Вайю и Вáата по Санскритски, Вѣйасъ у Литовцевъ, Ventus у Римлянъ, Viento у Испанцевъ, Wind у Германцевъ, Wind (Уиндъ) и стихотворное Wind (Уайндъ) у Англичанъ, Wiatr у Поляковъ,—Вѣтеръ, живущій и въ человѣческомъ духѣ и въ духѣ Божіемъ, что носился надъ безформенными водами, водоворотъ мчащійся въ циклонѣ и забвенно вѣющій въ листвѣ ивы надъ ручьемъ, Вѣтеръ шаловливо уронилъ малый звуковой гѣроглифъ свой—В—въ хрустальное горлышко пѣвчихъ птицъ: В и т ь поетъ малиновка, Ц и в и зоветъ трясогузка, Т и и в и т ь—десятый высшій звукъ соловья. Эта рулада Т и и - в и т ь, какъ говоритъ Тургеневъ, у хорошаго н о т н а г о соловья имѣетъ наивысшее значеніе, дѣлающее его верхсвнымъ маэстро.

Зная, что звуки нашей рѣчи участвуютъ, не равно и съ неопредѣлимой долей посвященности, въ сокровенныхъ голосахъ Природы, мы бессильны въ точности опредѣлить, почему тотъ или иной звукъ дѣйствуетъ на

насъ всѣмъ очарованіемъ воспоминанія или всею чарою новизны. Прикасясь къ музыкѣ слова сознаниемъ, мы ухватываемъ часть разорваннаго ея богатства, но только мудрымъ чувствомъ ощущаемъ мы музыку слова сполна и, радостно искупавшись въ ея звенящихъ волнахъ и глухихъ глубинахъ, властны создавать, освѣженные, новую гармонію. Красноцвѣтные дикіе Сѣверной Америки, силой магическаго пѣнія и особыхъ плясокъ, какъ и представители дикой Мексики, заклинающіе нисхождение дождя и огненную музыку грома, говорятъ о нашихъ Европейскихъ пѣсняхъ, что мы слишкомъ много болтаемъ,—сами же они въ священномъ порядкѣ разставляютъ опредѣленные слова опредѣленныхъ строкъ, необъяснимо повторяя въ нихъ извѣстные припѣвы и перепѣвы, ибо слово для нихъ священо по существу. Заклинательное слово есть Музыка, а Музыка сама по себѣ есть заклинаніе, заставляющее неподвижность нашего безсознательнаго всколыхнуться и засвѣтиться фосфорическимъ свѣтомъ.

Древніе говорили:—„Числа суть вещи Мира. Музыка есть число. Миръ есть Музыка.“ Семь дней нашей недѣли, быть можетъ, суть отоб-

раженія семи звѣздъ того Небеснаго Семи-звѣздія, которое, законченной красотой своей, и пѣвучею правильностью своего обращенія въ небѣ, велѣло земнымъ пѣвцамъ настраи-вать семь струнъ. Съ предѣльнымъ вѣроятіемъ мы можемъ вычислить также, что обращеніе созвѣздій Большой Медвѣдицы, Малой Медвѣдицы, и созвѣздія Кассіопеи, внушило чело-вѣческому сознанію символъ Свастики,—вращающійся равносторонній крестъ, — узорный символъ перевоплощенія въ ритмахъ вѣчнаго возврата. Но мы не исчислимъ, почему тотъ или иной музыкальный вскрикъ Девятой Симфоніи, или Лоэнгринна, поражаетъ нашу душу больше всего, — мы чувствуемъ только, что вотъ, мы прикоснулись къ тайнѣ, но это такая тайна, что, коснувшись душою Міровой Души, направивъ въ сердечномъ нашемъ гаданіи зеркало въ зеркало, мы что то мгновенно увидѣли, но тотчасъ свѣтъ гаснетъ, лишь долгое зарево отсвѣта остается у насъ въ душѣ.

Въ таинственной звѣздной Халдеѣ, — гдѣ любящая богиня Истаръ съумѣла сойти въ Адъ, и, прикоснувшись къ живой водѣ, вернулась изъ смертныхъ областей, — возникло одно изъ

самыхъ страшныхъ и могучихъ заклинаній,
какія есть среди словесныхъ волхвованій. Вотъ
оно.

Семеро ихъ! Семеро ихъ!
Въ глубинѣ Океана семеро ихъ!
Въ высотахъ Небесныхъ семеро ихъ!
Въ горахъ Заката рождаются, семеро.
Въ горахъ Востока вырастають, семеро.
Сидятъ на престолахъ въ глубинахъ Земли они.
Заставляють свой голосъ гремѣть на высотахъ
Земли они.
Раскинулись станомъ въ пространствахъ Небесъ и
Земли они,
Въ сокрытыхъ вертепахъ.
Семеро ихъ! Семеро ихъ!

Они не мужчины, не женщины.
Какъ вѣтеръ бродячій они.
Какъ сѣти, они простираются, тянутся.
Нѣтъ у нихъ женъ, не родятъ они сына.
Какъ кони они, что внезапно возникли межъ горъ.
Злые, изъ пропасти Эа.
Благоговѣнья не знаютъ они, благотворенья не
знають,
Молитвъ не услышать, нѣтъ слуха у нихъ къ
мольбамъ.
На большихъ проѣзжихъ дорогахъ
Препоной встають, ложатся на путь.
Злые они, злые они.

Семеро ихъ! Семеро ихъ!
Дважды семеро ихъ!
Духъ Небесъ, ты заклани ихъ!
Духъ Земли, ты заклани ихъ!
Злые Вѣтры! Злая Бури! Палящіе Вѣтры они
Вихрь, за которымъ приносится смерчъ.
Рѣющій вѣстникъ, за вѣстникомъ Смерчъ.
Могучіе чада, предвѣстники Мора.
За ними идетъ Нинкгалъ.
Проломный они потопъ.
Семь боговъ широкой Земли.
Семь разбойныхъ боговъ съ Небесъ.
Семь властныхъ боговъ.
Семь злыхъ боговъ.
Семь вѣющихъ дьяволовъ.
Семь дьяволовъ злыхъ утѣсненія.
Семь въ Небѣ, семь на Землѣ.
Злой дьяволь, злой духъ, злой Алалъ, злой Гигимъ,
злой Тэлалъ, злой богъ, злой Маскимъ.
Духъ Неба, ты заклани ихъ!
Духъ Земли, ты заклани ихъ!
Заклани ихъ!

Злые духи, которыхъ съ такою настойчивостью закликаетъ Халдей, вездѣсущи и всепагубны. Они уменьшаютъ Небо и Землю. Запираютъ, какъ дверью и засовами, страны. Не имѣютъ стыда. Мелятъ народы какъ эти народы мелятъ зерно. Кровь проливаютъ какъ дождь. Дѣвушку гонятъ изъ комнаты. Высы-

лаютъ мужчину изъ дома. Гонятъ птицъ отъ гнѣзда. Поражаютъ быковъ и овецъ. Шаткой тѣнью встаютъ на ночныхъ улицахъ. Мучаютъ скотъ въ загонѣ. Изъ дверныхъ щелей какъ вѣтеръ вывѣиваются. Высунувъ языкъ, они—какъ стая собакъ. Какъ змѣи ползутъ на своихъ животахъ. Въ комнатѣ вдругъ запахнетъ мышью. Ревутъ, бормочутъ, и шепчутъ. Ихъ много, какъ рыбьей икры. Имъ стѣны—ничто. Не удержишь ихъ дверью. Переходятъ изъ дома въ домъ.

Если Халдейскій „Заговоръ о Семи Духахъ“ устремляетъ всю силу заклинательнаго слова противъ зловѣщихъ силъ Природы, необыкновенной выразительностью отличаются и такіе заговоры, гдѣ колдующій обращается именно къ недоброму началу, съ тѣмъ, чтобъ опутать чужую волю, окружить ее, какъ окружаютъ облавой звѣря въ лѣсу. Совсѣмъ особенными искусниками въ этомъ магическомъ чарованіи являются Русскіе колдуны и Малайскіе заклинатели. Я беру два Русскіе народныя заговора, и, глянувъ на нихъ въ магическое зеркало, воспроизвожу въ стихѣ. Почему въ стихѣ? Потому что, когда деревенскій волхвователь произноситъ тотъ или другой

заговоръ, онъ произноситъ его закливающимъ напѣвнымъ голосомъ, онъ произноситъ его при особыхъ обстоятельствахъ, при особой обстановкѣ, все это вмѣстѣ возникаетъ какъ волшебная поэма, какъ зримый и внятнѣйшій заклинательный стихъ. Вотъ „Заговоръ Охотника“.

Засвѣтло всталъ я,
Лицо умывалъ я,
И къ двери иду изъ дверей,
Изъ воротъ я иду въ ворота,
Въ чисто поле, къ дремучему лѣсу, гдѣ между
вѣтвей

Днемъ темнота.
А изъ лѣсу дремучаго, темнаго,
Изъ лѣсу огромнаго,
Двадцать бѣгутъ ко мнѣ дьяволовъ, сатанаиловъ,
лѣсныхъ,

И двадцать иныхъ,
Пѣшіе, конные, черные, бѣлые,
Низкіе,
Близкіе,
Страшные видомъ, а сами несмѣлые,
Сатанаилы и дьяволы, стали они предо мной,
На опушкѣ лѣсной.
Сатанаилы, и лѣшіе, дьяволы странные,
Низкіе, близкіе, темные,
Плоско-огромные,
И вы, безъимянные,
Видомъ иные,

На островъ идите,
Звѣрей мнѣ гоните,
Въ мои западни поставныя,
Ночныя, вечернія, утреннія,
И полуденныя, и полуночныя,
Идите, гоните,
Остановите,
Въ моихъ западняхъ примкните!

Чтобы внушать что-нибудь чужой волѣ, не нужно даже прибѣгать къ опредѣленнымъ союзникамъ вродѣ сатанаиловъ. Малаецъ говоритъ:—

Каждой двери слушай скрипъ,
Птицѣ молви: Цыпъ—цыпъ—цыпъ.
Съ сердцемъ хочешь воевать,—
Къ сердцу вблизи, и сердце хвать.

Чтобъ сердце передало сердцу вѣсть, Рускій колдунъ обращается къ вѣтру и поетъ „Заговоръ Семи Вѣтровъ“. Удерживая заговорнымъ словомъ вольныя, ненаправленныя къ одному средоточію, блужданія вѣтровъ, которые бродятъ всюду и нигдѣ, заклинаяющій заставляеть ихъ сцѣпиться въ одномъ хотѣньи, говоря:—

Вы подите, Семь Вѣтровъ,
Соберите съ блѣдныхъ вдовъ

Всю ихъ жгучую тоску,
Слезъ текучую рѣку,
За одинъ возьмите счетъ
Всѣ тоски у всѣхъ сиротъ,
Всѣ ихъ вбросьте вы въ нее,
Сердце кто томить мое,
Въ ней зажгитесь вдвое, втрое,
Распалите ретивое,
Кровь горячую пьяня,
Чтобъ возжаждала меня,
Чтобъ отъ этой жгучей жажды
Разгорѣлась не однажды,
Чтобы ей невозможно быть
Безъ меня ни ѣсть, ни пить,
Чтобъ скучала, замѣчала,
Что дышать ей стало мало,
Какъ горящимъ въ часъ бѣды,
Или рыбѣ безъ воды,
Чтобы бѣгала, искала,
Страха Божія не знала,
Не боялась ничего,
Не стыдилась никого,
И въ уста бы цѣловала,
И руками обнимала,
И какъ вьется хмѣль средь дня,
Такъ вилась бы вокругъ меня.

Малайскій заклинатель, въ ликѣ своемъ такъ
подробно описанный въ „Пѣсни Торжествую-
щей Любви“, еще сгущаетъ чары заклинанья,

когда онъ околдовываетъ волю, наклоня сердце къ другому сердцу. Край Малайцевъ вообще край Магіи. Заговорный напѣвъ соучаствуетъ съ музыкой. А какой силы была, на примѣръ, волшебная свирѣль Малайскаго царя Донана, точно повѣствуетъ преданіе:— „Въ первый разъ заиграла свирѣль, и звукъ издала двѣнадцати инструментовъ, заиграла второй она разъ, и было то двадцать четыре инструмента, и тридцать шесть разныхъ инструментовъ было, когда заиграла свирѣль въ третій разъ. Удивительно-ли что царица Че-Амбонгъ и царица Че-Мѣда залились слезами, и музыку должно было остановить“.

Нельзя болѣе красиво выразить магическую силу и необходимость повторности при созиданіи музыки и напѣвнаго заклинанія. Я беру четыре Малайскіе заговора, они какъ четыре угла составляютъ горницу, въ которую замкнута женская душа—замкнута, и не выйдетъ оттуда: „Заговоръ о Стрѣлѣ“, „Заговоръ о Ступнѣ“, „Заговоръ Любовный“, „Заговоръ для Памяти“.

Я спускаю стрѣлу, закатилась Луна,
Я спускаю стрѣлу, чаша Солнца темна,
Я спускаю стрѣлу, Звѣзды дымно горять,

Задрожали, глядятъ, межъ собой говорятъ.
Я не звѣзды стрѣлой поразилъ, поразилъ,
И не Солнце съ Луной я стрѣлою пронзилъ,
Всѣ въ цвѣтокъ мои стрѣлы вонзились, горять,
Я сердечный цвѣтокъ поразилъ черезъ взглядъ.
Я стрѣлу за стрѣлою до сердца продлю,
Выходи же, душа той, кого я люблю,
Приходи и прилягъ на подушку мою,
Я стрѣлою, душа, я стрѣлой достаю.

— Среди примѣтъ ты видѣлъ слѣдъ?
— Ступня ея. Сомнѣнья нѣтъ.
— Изъ праха вырѣжь ту ступню,
И дай ее обнять Огню.
Ее лизнетъ языкъ Огня,
И станетъ слушаться ступня.
— А что потомъ? А какъ потомъ?
Ступню куда мы поведемъ?
— Возьмешь ты бережно тотъ прахъ,
И въ трехъ его яви цвѣтахъ.
Одѣнешь въ красный лоскутокъ,
И поддержи, да минетъ срокъ.
Одѣнешь въ черный—завяжи,
Ступню въ томъ черномъ поддержи.
И послѣ въ желтый лоскутокъ,
Замкни, и выдержи зарокъ.
— А что потомъ? Горитъ ступня,
И пляшетъ, мучаетъ меня.
— Потомъ цвѣтную нить скрути,
Къ подушкѣ ближе помѣсти.
Ступню на занавѣсь повѣсь,
И въ жаркой мысли медли весь.

Зеленый прутикъ отыщи,
Хлещи, семь разъ ее хлещи.
При смѣнѣ зорь, въ полночный часъ,
Хлещи, хоть спи, хлещи семь разъ.
И припѣвай: „— Любви ищу“.
Не землю, сердце я хлещу.“
— Смотри! Дрожить, идетъ ступня!
Люби меня! Люби меня!

Черная Ягода—имя твое,
Птица Багряная—имя мое.
„Майя!“ пропѣлъ я. Внемли,
Мысли ко мнѣ всѣ пошли.
Мною пребудь зажжена.
Любишь и будь влюблена.
Будь какъ потеряна ночью и днемъ.
Будь вся затеряна въ сердце моему.
Днемъ семикратно смутись.
Въ ночь семикратно проснись.
Быстро домой воротись.
Я говорю:— „Ты—моя“!
Въ Мѣсяцъ-ли глянь—это я.

Я принесъ тебѣ вкрадчивый листъ,
Я принесъ тебѣ пряный бетель.
Положи его въ ротъ, насладись,
Полюбивъ меня, помни меня.
Солнце встанетъ ли, помни меня,
Солнце ляжетъ ли, помни меня,
Какъ ты помнишь отца или мать,
Какъ ты помнишь родимый свой домъ,

Помнишь двери и лѣстницу въ немъ,
Днемъ ли, ночью ли, помни меня.
Если громъ загремѣлъ, вспомяни,
Если вѣтеръ свиститъ, вспомяни,
Если въ небѣ сверкають огни,
Вспомяни, вспомяни, вспомяни.
Если звонко пѣтухъ пропоеть,
Если слышишь, какъ время идетъ,
Если часъ убѣгаетъ за часъ,
И бѣжить, и вѣдетъ свой разсказъ,
Если Солнце идетъ за Луной,
Будь всей памятью вмѣстѣ со мной.
Стукъ, стукъ, стукъ. Это я прихожу.
Стукъ, стукъ, стукъ. Я въ окошко гляжу.
Слышишь сердце? Въ немъ сколько огня.
Душу чувствуешь? Помни меня!

Сейчасъ звучаль магическій стихъ, устрем-
ленный къ отдѣльной цѣли измѣненія стихій,
или наклоненія воли человѣка. Но стихъ во-
обще магичень по существу своему, и каж-
дая буква въ немъ — магія. Слово есть чудо,
Стихъ — волшебство. Музыка, правящая Мiромъ
и нашей душой, есть Стихъ. Проза есть линия,
и проза есть плоскость, въ ней два лишь
измѣренія. Одно или два. Въ стихѣ всегда
три измѣренія. Стихъ — пирамида, колодець,
или башня. А въ рѣдкостномъ стихѣ рѣдкаго

поэта не три, а четыре измѣренія,—и столько, сколько ихъ есть у мечты.

Говоря о стихѣ, самый волшебный поэтъ 19-го вѣка, Эдгаръ По, сказалъ:—„На риѣму стали смотрѣть какъ на принадлежащую по праву концу стиха—и тутъ мы сожалѣемъ, что это такъ окончательно укрѣпилось. Ясно, что здѣсь нужно было имѣть въ виду гораздо больше. Одно чувство равенства входило въ эффектъ. Риѣмы всегда были предвидѣны. Великій элементъ неожиданности не снился еще, а какъ говоритъ Лордъ Бэконъ—нѣтъ изысканной красоты безъ нѣкоторой странности въ соразмѣрности“. Эдгаръ По, заставившій говорить Ворона и звенѣть въ стихахъ колокольчики и колокола, и перебросившій въ перепѣвный свой стихъ полную магію Моря и тишины, и сорвавшій съ неба для риѣмъ и созвучій нѣсколько яркихъ звѣздъ, первый изъ Европейцевъ четко понялъ, что каждый звукъ есть живое существо, и каждая буква есть вѣстница. Одной строкой онъ взрываетъ глубь души, показывая намъ звенящіе ключи наши, и въ четырехъ строкахъ замыкаетъ цѣлый приговоръ Судьбы.

Напѣвъ съ баюканьемъ дремотнымъ
Съ крыломъ лѣнливо-беззаботнымъ,
Средь трепета листовъ зеленыхъ,
Что тѣни стелятъ на затонахъ,
Ты былъ мнѣ пестрымъ попугаемъ,
Той птицею, что съ дѣтства знаемъ,
Тобой я азбукѣ учился,
Съ тобою въ первомъ словѣ слился,
Когда лежалъ въ лѣсистой дали,
Ребенокъ, чьи глаза — ужь знали.

Но въ то самое время, когда юный кудесникъ, Эдгаръ По, переходя отъ юности къ молодости, созидаль символизмъ напѣвной выразительно-звуковой поэзіи, въ области Русскаго стиха, изъ первоистоковъ Русской рѣчи, возникъ совершенно самостоятельно, въ первоначаткахъ, символическій стихъ. Поэтъ, который знаменитъ, и однако, по существу, мало извѣстенъ, описывая въ 1844-мъ году впечатлѣніе отъ музыки на рѣкѣ, говоритъ, точно играя по нотамъ:—

„Струйки выются, пѣсни льются,
Вторить эхо вдалекѣ“.

Еще на два года ранѣе, описывая гаданіе, онъ говоритъ:—

„Зеркало въ зеркало съ трепетнымъ лепетомъ
Я при свѣчахъ навела“.

Въ томъ же 1842-мъ году онъ пропѣлъ:—

„Буря на Морѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ,
Буря на Морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ.
Буря на Морѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ.
Черная туча за тучей
Моря сердитаго шумъ“.

Это магическое пѣснопѣніе такъ же построено все на Б, Р, и въ особенности на нѣмѣющемъ М, какъ первый запѣвъ „Рейнскаго Золота“, гдѣ волшебникъ сѣвернаго Моря, Вагнеръ, угадываетъ голосъ влаги, построенный на В, и Воглиндэ поетъ:—

„Weia! Waga!
Woge, du Welle,
Walle zur Wiege!
Wagala Weia!
Wallala Weiala Weia!“

Русскій волшебникъ стиха, который одновременно съ Эдгаромъ По, слушая нашу мятель, понялъ колдовство каждаго отдѣльнаго звука въ стихѣ, и у Музы котораго—

„Отрывистая рѣчь была полна печали,
И женской прихоти и серебристыхъ грезъ“,—

волшебникъ, говорящій о ней—

„Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ по-
цѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна“,—

этотъ волшебникъ, сладостный чародѣй стиха, былъ Феть, чье имя какъ вешній садъ, наполненный кликами радостныхъ птицъ. Это свѣтлое имя я возношу, какъ имя первосоздателя, какъ имя провозвѣстника тѣхъ звуковыхъ гаданій и угаданій стиха, которыя черезъ десятки лѣтъ воплотились въ книгахъ „Тишина“, „Горящія Зданія“, „Будемъ какъ Солнце“, и будутъ длиться черезъ „Зарево Зорь“.

Еще раньше, чѣмъ Феть, другой чарователь нашего стиха, создалъ звуковую руну, равной которой нѣтъ у насъ ни одной. Я говорю о Пушкинѣ, и при звукѣ этого имени мнѣ кажется, что я слушаю вѣтеръ, и мнѣ хочется повторить то, что записалъ я о немъ для себя въ минуту взнесенную.—

Все, что связано съ вольной игрою чувства, все, что хмѣльно, винно, завлекательно, это есть Пушкинъ. Онъ научаетъ насъ свѣт-

лону смѣху, этотъ величавый и шуточный, этотъ легкій какъ запахъ цвѣтущей вишни, и грозный временами, какъ воющая вьюга, волшебникъ Русскаго стиха, смѣлый внукъ Велеса. Все журчанье воды, все дыханіе вѣтра, весь прерывистый ритмъ упорнаго желанья, которое въ безгласномъ рабствѣ росло и рвалось на волю, и вырвалось, и распространило свое вліяніе на версты и версты, все это есть въ Пушкинскомъ „Обвалѣ“, въ этомъ пляшущемъ праздникѣ Л, Р, В.

„Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои берега.“

Краткость строкъ и повторность звуковъ, строгая размѣрность этой словесной бури, проникновеніе въ вѣщательную тайну отдѣльныхъ вскриковъ человѣческаго горла — не

превзойдены. Здѣсь вѣдунъ-рудокопъ работалъ, и узрѣлъ подь землей текучіе колодцы драгоцѣнныхъ камней, и, властной рукой зачерпнувъ полный ковшъ, выплеснулъ намъ говорящую влагу. Русскій крестьянинъ выносилъ въ душѣ своей множество заговоровъ, самыхъ причудливыхъ, вплоть до Заговора на тридцать три тоски. Неуловимый въ своихъ неожиданностяхъ, вѣтролетный Пушкинъ создалъ въ „Обвалѣ“ безсмертный и дѣйственный „Заговоръ на вѣщія буквы“, „Заговоръ на вызываніе звуковой вѣсти-повѣсти“.

Современный стихъ, принявши въ себя колдовское начало Музыки, сталъ многограннымъ и угадчивымъ. Особое состояніе стихій, и прикосновеніе души къ первоистокамъ жизни, выражены современнымъ стихомъ вѣдовски. Не называя именъ, которыя конечно у всѣхъ въ памяти, какъ прославленные, я беру двѣ напѣвности изъ двухъ разныхъ поэтовъ, независимо отъ соображеній общей оцѣнки, историко-литературной, лишь въ прямомъ примѣненіи примѣра чаровнической поэзіи: „Печать“ Вячеслава Иванова, гдѣ внутренняя музыка основана на Ч, П, и нѣмотствующемъ М, и „Вѣнчаніе“ Юргиса Балтрушайтиса, гдѣ

взрывно мятелистое буйное Б, вмѣстѣ съ вѣ-
ющимъ В, даетъ мелодію смертнаго снѣжнаго
вихря.

Неизгладимая печать
На два чела легла.
И двумъ—одинъ удѣлъ:—Молчать
О томъ, что ночь спряла, —
Что изъ ночей одна спряла,
Спряла и распряла.
Двоихъ сопрягъ однимъ ярмомъ
Водырь глухонѣмой.
Двоихъ клеймилъ однимъ клеймомъ,
И мѣтилъ знакомъ: Мой.
И сталъ одинъ другому—Мой...
Молчи. Навѣки—Мой.

Въ этомъ страшномъ напѣвѣ, гдѣ поэтъ
изобличаетъ не только магическое пониманіе
звука М, но и мудрость сердца, что въ ужа-
сѣ нѣмѣетъ, все душно, тѣсно, тускло, мер-
тво, любовь—проклятiе, любовь—препона. Въ
напѣвѣ Балтрушайтиса, ширококомъ и вольномъ,
—не тѣснота комнаты, а просторъ солнечнаго
зрѣнія, не любовь—какъ проклятiе и смерть,
а смерть—какъ благословеніе и любовь.

Вѣнчальный часъ! Лучистая Зима
Хрустальные раскрыла терема.
Бѣлѣетъ лебедь въ небѣ голубомъ.

И бѣлый хмѣль взметается столбомъ.
Лихой гонецъ, взрывая бѣлый дымъ,
Пѣвучимъ вихремъ мчится къ молодымъ.
Дымить и скачетъ, трубитъ въ бѣлый рогъ,
Роняетъ щедро жемчугъ вдоль дорогъ.
Въ вѣнчальномъ полѣ дикая Мятель
Прядеть—свиваетъ бѣлую кудель.
Поютъ ея прислужницы и ткуть,
Тебя въ свой бархатъ бѣлый облекутъ,—
И будешь ты на вѣчность темныхъ лѣтъ,
Мой блѣдный княжичъ шеголемъ одѣтъ.
Твоихъ кудрей веселыхъ нѣжный ленъ
Вѣнцомъ изъ лилій будетъ убѣленъ.
И въ тайный часъ твоихъ вѣнчальныхъ грезъ
Поникнешь ты средь бѣлыхъ-бѣлыхъ розъ.
И трижды краше будешь ты средь нихъ,
Красавецъ блѣдный, бѣлый мой женихъ!

Магія знанія можетъ таить въ себѣ магію проклятія. Опираясь на пониманіе точнаго закона, мы можемъ впасть въ цѣпящее царство убивающаго сознанія. Есть цѣнная истина, хорошо сформулированная пѣвцомъ Вѣтра, Моря, и человѣческихъ глубинъ, Шелли: „Человѣкъ не можетъ сказать — я хочу написать созданіе Поэзіи. Даже величайшій поэтъ не можетъ этого сказать, потому что умъ въ состояніи творчества является какъ бы потухающимъ углемъ, который дѣйствіемъ

невидимаго вліянія, подобнаго измѣнчивому вѣтру, пробуждается для преходящаго блеска. Эта сила возникаетъ изъ нѣдръ души, подобно краскамъ цвѣтка“.

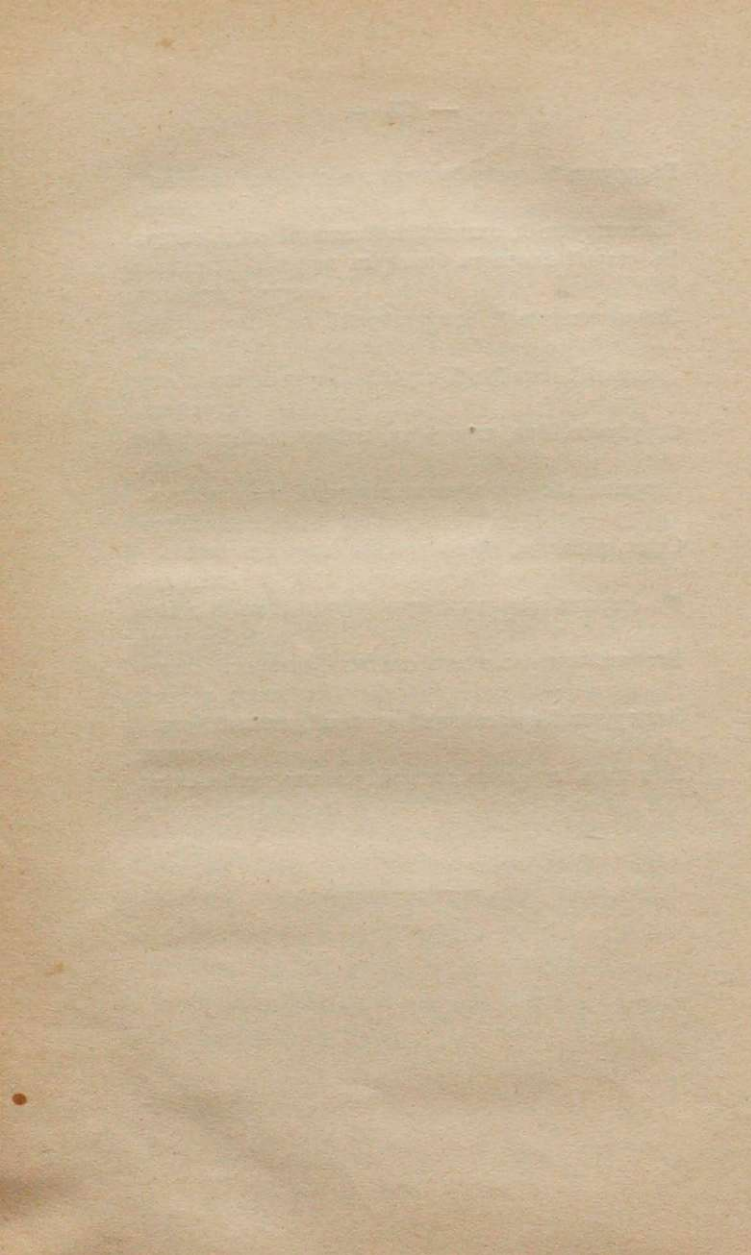
Современный стихъ легко забываетъ, слишкомъ часто не помнитъ, что нужно быть какъ цвѣтокъ, для того чтобы чаровать, корнями быть въ темныхъ глубинахъ внѣсознательнаго, долго быть въ испытующихъ нѣдрахъ Молчанія, прежде чѣмъ, раскрывъ свою чашу, быть влюбленникомъ Луны, и главное, главное, пламенникомъ Солнца. Лишь тогда оправдывается вѣщее сказаніе Скандинавовъ, что творческій напитокъ, дѣлающій человѣка скальдомъ, состоитъ изъ крови полубога и пьянящаго меда.

Изъ крови полубога, убитаго карликами, и меда, собираемаго пчелою съ цвѣтовъ. Сокровенные смыслы Скандинавской саги глубже и богаче, чѣмъ это можно подуматъ съ перваго взгляда. Если цвѣтокъ есть верховная красота растенія, полный его праздникъ, вся его скрытая сила, вся его огненная мечта и благовонная греза, и красочная математика, и безмолвная медвяная музыка,— та свѣтлая пыльца, изъ которой звенящая пчела дѣлаетъ тя-

желый пахучій медъ и богомольный воскъ, что хранятся въ завѣтныхъ кладовыхъ улья, эта звѣздность еле зримыхъ цвѣточныхъ пылиннокъ, столь-же нѣжныхъ, какъ красочная пыльца крыльевъ бабочекъ, есть наиболѣе тонкая, и наиболѣе верховная изъ всего богатства самого цвѣтка, который есть верховное малое солнце въ зеленой жизни растенія. Здѣсь опять зеркало въ зеркалѣ, и они углублены еще новымъ зеркаломъ, и многократная зеркальность, чаруя душу безгласной музыкой, уводитъ ее отъ предѣльнаго къ безконечному.

Чтобы составить кровь полубога, убитаго карликами, вступили въ миръ, любовно помирились, вѣчно враждующіе, духи Воды и Огня. Если я полубогъ, и пойду къ карликамъ, конечно они убьютъ меня. Снизойдя, я отдамъ свое божеское человѣческому. Но малые челоуѣки опьянятся моею кровью, и будетъ ихъ духъ какъ выющійся хмѣль, который бѣжитъ змѣевидно, изумруднымъ своимъ побѣгомъ, отъ Земли къ Небу. Хорошъ этотъ творческій напитокъ. И хранится онъ у Гигантовъ. Стоитъ быть жертвой для него. А въ душѣ есть Жертвенный Звѣрь.

Бѣлорунный, сребролунный изъ пещеры вышелъ
звѣрь.
Тонкоструйный, златовѣйный зажигай огонь теперь.
Въ старый хворость брызнулъ шорохъ, вспышекъ
быстрый перебѣгъ.
Звѣрь пещерный, безпримѣрный, весь сіяетъ словно
снѣгъ.
Златорогій, стройный, строгій, смерти ждетъ онъ не
страшась.
Струйки-змѣйки, чародѣйки, вейтесь, пойте, стройте
часть.
Струннымъ строємъ часть построены, часть, и мигъ,
и волшебство.
Снѣгъ разъялся, кровь красива, хворость ожилъ,
жги его.
Въ старыхъ вѣткахъ смерть устала спать и ждать,
не бойся жечь.
Все, что пламень мѣтко схватить, встанеть словно
стягъ и мечъ.
Златорунный, огневѣйный, красный, желтый богъ
Костерь,
Жги насъ, жги насъ, какъ несчетныхъ жегъ и сжегъ
твой жаркій взоръ.

КАТАЛОГЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
„СКОРПИОНЪ“

І. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегія. Ц. 1 р. 50 к.
- Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.
 - Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина.) Ц. 2 р.
 - Томъ II. (Горящіи Зданія.) Ц. 1 р. 50 к.
 - Томъ III. (Будемъ какъ Солнце.) Ц. 2 р.
 - Томъ IV. (Только Любовь.) Ц. 1 р. 50 к.
 - Томъ V. (Литургія Красоты.) Ц. 1 р. 50 к.
 - Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары.) Ц. 1 р. 50 к.
 - Томъ VII. (Жарь-Птица.) (Распродано).
 - Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ.) Ц. 1 р. 50 к.
 - Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ.) Ц. 1 р. 50 к.
 - Томъ X. (Хороводъ Временъ.) Ц. 1 р. 20 к.
 - Звенья. Избранныя стихотворенія. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1892—1909 гг.
 - Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. Ц. 2 р.

- Валерій Брюсовъ.** Зеркало Тѣней. Стихи 1909—1912 г. М. 1912 г. Ц. 2 р.
- Поль Верлэнъ.** Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Ц. 2 р.
- Юрій Верховскій.** Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
- З. Н. Гиппіусъ.** Собраніе стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. Гумилевъ.** Жемчуга. Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы.) Фронтисписъ К. Сомова. Ц. 2 р. 40 к.
Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). Ц. 2 р.
- М. Кузминъ.** Сѣти. Первая книга стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ.** Осеннія Озера. Книга стиховъ. Ц. 1 р. 80 к.
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій. Ред. Валерія Брюсова. Ц. 1 р. (вм. 2 р.)
- Николай Морозовъ.** Звѣздныя пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣзднаго неба. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. Ц. 90 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Ц. 50 к.
- Уольтъ Уитманъ.** Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р. 90 к.
- Стихи Нелли.** Съ посв. Валерія Брюсова. Ц. 60 коп.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. Рисунки и обложка Мартини. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Ночи и дни. Вторая книга разказовъ и драматическихъ сценъ. Ц. 1 р. 25 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Ц. 2 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Библиографія. 1889—1912. Ц. 50 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и разказы. Пер. С. А. Полякова. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

М. Кузминъ. Первая книга разказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Юсифъ). Ц. 1 р. 80 к.

М. Кузминъ. Третья книга разказовъ. Ц. 1 р. 80 к.

Жагадись. Облака. Поэма въ прозѣ. Ц. 40 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 20 к.

Томъ II. Разказы, статьи. Изд. 2-е, переработанное. Ц. 2 р. 20 к.

Томъ III. Страшные разказы, гротески. Ц. 2 р.

- Томъ IV. Необычайныя приключенія. Ц. 2 р.
 Томъ V. Эврика. Письма. Биографія. Ц. 2 р.
- Ст. Шибышевскій.** Собраніе сочиненій.
 Книга I. Pro domo sua. Der profundis.
 У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ)
 и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и
 С. Полякова. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.)
 Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч.
 Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)
 Книга IV. Заупокойная месса. Вѣчасъ
 чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ.
 Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Ц. 60 к.
- Ст. Шибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Пере-
 водъ Е. Троповскаго. Ц. 20 коп. (вм. 50 к.)
- Ведоръ Сологубъ.** Жало Смерти. Разказы.
 Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартанская. Траге-
 дія. Авторизованный пер. Валерія Брюсова. Съ
 портретомъ Верхарна. Ц. 80 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Пер. С. А. Поля-
 кова. Изд. 3-е. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)
- Зигмунтъ Красинскій.** Небожественная ко-
 медія. Пер. А. Курсинскаго. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)
- Л. Зиновьева-Аннибалъ.** Кольца. Драма въ 3-хъ
 дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Ц. 1 р. 80 к.
- Шарль ванъ-Лербергъ.** Панъ. Они почували.
 М-ше Коси-Сѣно. Сказки. Пер. С. А. Поля-
 кова. Съ рис. Н. Теофилактова. Ц. 1 р.

- Шарль ванъ-Лербергъ.** Они почували. М-ше Коси-Сѣно. Пер. С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Морисъ Метерлинкъ.** Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Пер. Валерія Брюсова. Со статьей о жизни и творчествѣ. М. Метерлинка Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- Оскаръ Уайльдъ.** Флорентинская Трагедія. Авторизованный пер. М. Ликиардопуло и А. Курсынскаго. Ц. 80 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ И Т. Д.

- И. Д. Бальмонтъ.** Змѣны цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. Ц. 3 р. То же—безъ рисунковъ. Ц. 2 р.
- Обри Бердслей.** Статьи Роберта Росса и Артура Симпсона. Новелла, стихи, замѣтки, письма и рисунки (около 40) Обри Бердслея. Подробная иконографія и библиографія.—Переводъ М. Ликиардопуло. Ц. 3 р.
- Н. Брюсова.** Временное и пространственное строеніе формы. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ.** Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. Цѣна 1 р.
- Валерій Брюсовъ.** Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ.** За моимъ окномъ. Воспоминанія, наблюденія, мысли. Ц. 50 к.

V. АЛЬМАНАХИ, АЛЬБОМЪ и МУЗЫКА.

- Сѣверные цѣты:** на 1901 г. ц. 60 к. на 1902 г.—
ц. 80 к.; на 1901—1903 гг. вмѣстѣ—ц. 3 р.; на
1904—1905 гг.—ц. 3 р. на 1911 г.—ц. 1 р. 50 к.
- Н. Теофилактъ.** 66 р. с. (исполн. фототипией, одно-
цвѣтной и многоцвѣтной автотипией) Ц. 3 р.
- Куранты Любви.** Слова и музыка М. Кузмина.
Рис. С. Судейкина и Н. Теофилактова Ц. 3 р.

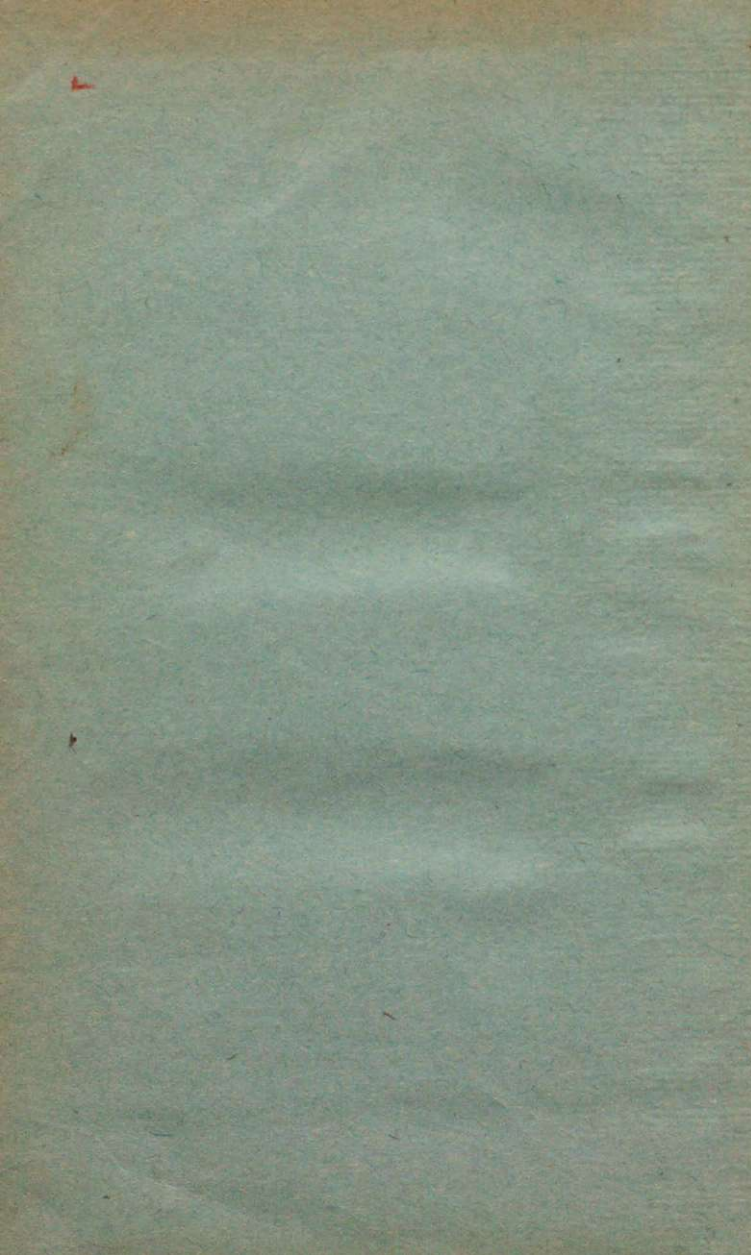
VI. „ВѢСЫ“.

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ
изданія (1904—1909): 72 №№. свыше 7000 стра-
ницъ текста большого формата съ рисунками
(черными и въ краскахъ), заставками и концов-
ками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Цѣна комплекта „Вѣсвь“—40 руб. безъ пер.
Годовые комплекты 1904, 1905 и 1906—по 6 руб.
безъ пер., 1908, 1909—по 7 руб. безъ пер. Комплектъ за
1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—27 руб.
безъ пер. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Всѣ, выписывающіе изъ склада, пользуются пере-
сылкой за счетъ к-ва, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на
которыя цѣна понижена. Деньги, причитающіяся за
заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—
при заказѣ. При выпискѣ нал. плат расходы по
наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.
Адресъ: Москва Театральная пл., д. Метрополь К-во
„Скорпіонъ“.

Ц. 80 К.

* 1 5 ИЮН 1944

2011147232